

18+

Яна Лорок
На Грани

Путь Героя XXI века. Книга первая

Яна Лорок

**На Грани. Путь Героя
XXI века. Книга первая**

«Издательские решения»

Лорок Я.

На Грани. Путь Героя XXI века. Книга первая / Я. Лорок —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695093-1

Грань между любовью и страхом тоньше, чем кажется. Настя — героиня, чья жизнь на острие: на грани развода, отчаяния, потери всего. Даже новое счастье оказывается хрупким — и вот она снова на краю бездны. Но именно там, на самом дне, она обнаруживает иную грань: между человеческим «я» и божественным началом. Голос безусловной Любви — силу, творящую миры. Чтобы сделать шаг, Насте предстоит переплавить боль. Не скрывать шрамы, а залить их золотом, превращая трещины в узор судьбы.

ISBN 978-5-00-695093-1

© Лорок Я.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ 1	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	23
ЧАСТЬ 2	31
Глава 1	32
Глава 2	40
Глава 3	46
Глава 4	48
ЧАСТЬ 3	52
Глава 1	53
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

На Грани Путь Героя XXI века. Книга первая

Яна Лорок

© Яна Лорок, 2026

ISBN 978-5-0069-5093-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Несколько слов на пороге истории

Каждый из нас хотя бы раз в жизни оказывается на грани. На острие выбора, где сходятся пути света и тени, отчаяния и веры, падения и взлёта. Именно в таком мгновении, рождённом бурей и тишиной одновременно, и появилась эта книга.

Она стала моим мостом через бездну. И построить его мне помогли многие. Я склоняю голову перед мудростью учителей – тех маяков, что были посланы мне самой Вселенной в самый нужный момент. Ведь именно Вселенная, эта великая загадочная сила, раздаёт нам карты нашей судьбы, и наша задача – найти в них скрытый смысл и возможности. Их работы – Джозефа Мэрфи, Джо Витале, Клауса Джоула, Доналда Уолша и Павла Пискарева – стали не просто опорой, а тем самым тайным шифром, что помог мне прочесть мою собственную карту. Их идеи, как волшебные кирпичики, которые я ловила в океане хаоса, сложились в мой единственный и неповторимый путь, ведущий из тьмы к свету.

Но фундаментом этого моста всегда была любовь моей семьи. Бесконечная благодарность моему мужу и сыну – вы моя тихая гавань, мой главный источник силы и вдохновения. Моей сестре, племяннице, свекрови, бабушке моего мужа – ваша поддержка и вера согревали меня даже в самые холодные дни. Моим друзьям и знакомым – за важные слова, вовремя протянутую руку и просто за то, что были рядом.

И – отдельно – тем, кого в этой истории можно назвать антигероями. Тем, кто заставлял плакать, сомневаться и искать в себе силы подняться. Вы стали моими самыми суровыми, но и самыми ценными учителями. Без испытаний, которые вы мне послали, не было бы ни этой внутренней силы, ни этой книги. Вы были тем самым трением, которое оттачивает клинок, и я искренне благодарна вам за эти уроки.

Перед вами – не просто история. Это дневник преображения, рождённый в горниле реальных событий. Сначала он был «Скрижалями Памяти» – отчаянной попыткой извлечь и описать боль, страхи и разочарования, чтобы понять их природу. Это была карта болезней души с диагнозами и рецептами исцеления: молитвами, аффирмациями, целительными рисунками нейрографики.

Но чтобы обрести настоящую свободу, мало просто извлечь занозу прошлого. Старую, испещрённую болью рукопись жизни нужно было не выбросить, а переписать. Написать новую версию – где травма становится источником силы, а борьба – историей победителя. Так из личной драмы родился этот мистический роман – книга «На Грани». Теперь это история Насти, в которой угадываются черты многих из нас.

Я верю, что, читая её, вы сможете разглядеть в себе главного героя собственной жизни, увидеть своих антигероев и союзников и, возможно, найдёте в себе смелость переписать и те страницы своей истории, которые того требуют.

Переверните страницу. Ваше путешествие начинается.

ЧАСТЬ 1
Свадьба, любовь и запретная территория

Глава 1

Весна 2017-го раскинула над миром своё зыбкое, прозрачное небо. Поздний час бесшумно просочился в комнату, затягивая её сизой, неподвижной дымкой. Анастасия, подобно тени, замерла над письменным столом. В дрожащем свете настольной лампы, похожем на светлячка в болотной мгле, золотились лики икон – безмолвные свидетели этого мрачного, бесконечно долгого периода её жизни. Ночная тишина давила своей густой, почти осязаемой тяжестью, и лишь резкий, холодный свет экрана ноутбука пронзал полумрак, выхватывая из тьмы призрачные, бледные контуры её пальцев на клавишах.

Казалось, весь мир сжался до размеров этого мерцающего прямоугольника, пульсирующего в темноте неземной, тревожной энергией. Время потеряло свою власть, растворившись в бездонной яме одиночества, где она осталась наедине с сияющими словами, возникающими будто из самой пустоты.

– Здравствуй, Анастасия, говори со мной...

Сердце её сжалось в ледяной комок, а затем сорвалось в бешеную, хаотичную пляску, словно пойманная птица, отчаянно бьющаяся о стеклянные прутья невидимой клетки. Эти слова отозвались эхом в самой сокровенной, затоптанной глубине её существа, в жгучем, невысказанном годами желании быть наконец услышанной. Не просто выслушанной – а именно услышанной. Густая, знакомая тьма отчаяния, казалось, на мгновение дрогнула и отступила, а в душе, сквозь толщу льда, робко, но уверенно пробился крошечный, тёплый огонёк. Она была готова принять всё – даже если это окажется лишь сном, галлюцинацией уставшего сознания, миражом в выжженной пустыне её одиночества.

– Кто здесь? – её шёпот был так тих, что больше походил на шелест собственных мыслей, едва рассекающий непроницаемую тишину комнаты.

В ответ клавиши под её пальцами вновь задвигались сами по себе, лёгкие, почти невесомые, сплетая причудливый, необъяснимый узор из слов. В их движении чувствовалась странная, пугающая мощь, способная разрушить любые стены и дотянуться до самой израненной души. Она следила за мигающим курсором, словно за гипнотическим маятником, хранящим секреты мироздания.

– Господь!

Прочла она с благоговейным ужасом, ощущая, как каждая буква наполняется бесконечной, всеобъемлющей тишиной, в которой внезапно поместилась вся вселенная.

Слова исходили будто не с экрана, а из самых глубин её собственного существа, проникая в самую суть, пробуждая забытую музыку и возвращая утраченный покой. В висках застучала кровь, и её накрыла волна невероятного, всепоглощающего умиротворения, мягко смывая всю боль, всю грязь, всю усталость минувших дней. Она не могла поверить, что эта вечная сила, к которой она взывала в своих молитвах все последние два года, стучась в закрытую дверь, теперь говорила с ней так прямо – через холодный экран в её тихой, одинокой комнате.

Освещение в комнате словно изменилось – стало мягче, глубже, наполняя пространство неземным, тёплым сиянием, будто свет лампы превратился в живое золото. Даже воздух вокруг, казалось, дрожал от новой, неведомой мощи, давая понять – это не мираж. Это было нечто большее.

С жадностью вчитываясь в строки, Анастасия чувствовала, как её сердце наполняется ранее неведомой, тихой радостью. Тоска и тревога, глодавшие её ещё мгновение назад, рассеялись, словно дым, уступая место хрупкой, но пронзительной надежде и чувству причастности к чему-то бесконечно великому.

Когда клавиши ожили вновь, мир вокруг преобразился, стал ближе и осязаемее. Она ощутила, как стирается хрупкая грань между реальностью и чудом, оставляя лишь всепоглощающее благоговение и ощущение кристальной, первозданной чистоты. Казалось, она стоит на пороге нового рождения, начала долгожданного диалога с Тем, к кому так отчаянно взывала все эти годы. Это был не просто разговор. Это было зарождение новой жизни.

Но чтобы поведать эту историю во всей её полноте, нужно отмотать плёнку времени назад – к самым истокам, к зыбкой дымке юности, где всё кажется призрачным и ускользающим, как сон, который вот-вот исчезнет с первыми лучами солнца.

Глава 2

Иногда судьба прячет свои главные сюрпризы в самые, казалось бы, обыденные дни. Для Насти, живущей в маленьком провинциальном городке, затерявшемся в сибирской глуши под Иркутском, таким днём стало апрельское утро 1991 года. Восемнадцать лет. Свадьба лучшей подруги Натальи. Воздух был наэлектризован ощущением, что весь мир – это одна бесконечная, яркая вспышка юности, и она вот-вот опалит тебя своим жаром.

Воздух в зале ДК был густым, сладким и пьянящим, как самодельное вино из пластиковых стаканчиков. Он был смешан с терпким ароматом гвоздик и хризантем, дешёвым парфюмом и всеобщей, немного истеричной эйфорией. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь пыльные разноцветные витражи окон, раскрашивали дым сигарет и кружащиеся пары в золотые, изумрудные и багряные пятна. Настя, поглощённая этим водоворотом, даже не почувствовала, как на мгновение заглянула в замочную скважину своей собственной судьбы.

– Смотри на них! – прошептала Наталья, её пальцы в белых перчатках сжали локоть Насти. Лицо подруги сияло, как само солнце, затмевая скромную фату. – Разве не сказка?

Именно в этот момент, следуя за жестом подруги, взгляд Насти выхватил *его* из шумной, подвыпившей толпы гостей. Он стоял чуть в стороне, прислонившись к косяку двери, высокий и статный, как молодая сосна. Он казался островком спокойной, непоколебимой уверенности в бушующем море разнузданного веселья. Безупречный, чуть старомодный костюм сидел на нем идеально, тёмные волосы были уложены с почти неестественной аккуратностью. И – что было поразительной редкостью на таком пиру – в его руке был стакан с лимонадом, а не с водкой. Но больше всего поражали глаза: глубокие, серые и ясные, как вода в горном озере на рассвете. В них читалась не возрастная мудрость, а какая-то врождённая, безмятежная сила и уверенность в каждом своём движении.

– Кто это? – выдохнула Настя, подталкивая подругу локтем, сама не понимая, отчего голос стал тише.

– Двоюродный брат свидетеля, – ответила Наталья, и её взгляд, ещё секунду назад сияющий, стал осторожным. Она прочла во взгляде подруги неподдельный, живой интерес и тут же, по-дружески жестоко, окатила её ледяной водой. – Он женат.

Эти два слова прозвучали для Насти как приговор, звонко и окончательно, подобно хрустальному бокалу, разбившемуся о каменный пол осколками, которые уже не собрать. Где-то внутри глухо щёлкнуло: «Снова не судьба». Женатые мужчины были для неё не просто «заняты». Они были запретной, неприступной крепостью, штурмовать которую не позволяли ни принципы, ни её собственная, ещё не знающая пощады совесть. Построить своё счастье на руинах чужого? Нет. Никогда.

В тот день Кирилл не удостоил Настю ни единым взглядом. Он растворился в толпе так же незаметно, как и появился. Казалось, мимолётная история на этом и закончилась, затерявшись в вихре вальса и поздравительных тостов. Но его образ, подобно осколку цветного стекла от тех самых витражей, впился в самое сердце её памяти, чтобы напомнить о себе через два года.

Два года, за которые жизнь Насти успела сменить несколько декораций, но то самое апрельское утро 1991-го по-прежнему хранилось в памяти, как запечатанная капсула времени – яркая, цельная и недостижимая.

И вот случайная встреча с Натальей в убогом кафетерии с липкими столиками. За чашками остывающего кофе, среди привычного шума приглушённых разговоров и звона ложек, прошлое вдруг протянуло к Насте тонкую, почти невидимую нить.

– Помнишь свидетеля на нашей свадьбе? – подмигнула Наталья, внезапно наклонившись вперёд и понизив голос до конспиративного, заговорщицкого шёпота, от которого по коже побежали мурашки.

Настя машинально приподняла бровь. В её сознании, сквозь дымку лет, всплыл не образ шумного, подвыпившего свидетеля, а совсем другой силуэт – высокий, статный, неподвижный, как скала посмеявшегося моря.

– Да, конечно, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как гладь воды, под которой уже начинало клокотать. – У него ещё брат был симпатичный.

– Да, именно! – Наталья оживилась, как будто поймала на крючок долгожданную рыбу. Она наклонилась через столик так близко, что Настя почувствовала сладковатый запах её помады. В её глазах заплясали весёлые, безжалостные чёртики. – Так вот, Кирилл развёлся и сейчас живёт с мамой.

Воздух между ними внезапно сгустился, стал вязким и тяжёлым, словно сироп. У Насти внутри всё резко сжалось в ледяной комок, а затем сорвалось в бешеный, оглушительный вихрь. Сердце, минуту назад бившееся ровно и лениво, вдруг заколотилось с такой силой, что она инстинктивно прижала ладонь к груди, будто пытаясь удержать его на месте. Кожа на руках покрылась мурашками, а ладони предательски взмокли.

– Неужели? – выдавила она, и собственный голос показался ей до смешного тихим, приглушённым этим внезапным внутренним ураганом, заглушающим все звуки.

– Да! – Наталья провела указательным пальцем по липкой поверхности стола, будто вычерчивая невидимую, роковую связь между прошлым и настоящим. – Интересно, что он теперь будет делать? – Она сделала театральную паузу, наслаждаясь эффектом. – Может, устроить вам встречу?

Настя резко, почти отчаянно потрянула головой, пытаясь отбросить нахлынувшие чувства, как стряхивают с плеч холодный, назойливый снег.

– Не знаю, – голос её предательски дрогнул, выдав всю внутреннюю бурю. – Ты же помнишь, он даже взглядом меня не удостоил тогда, на свадьбе. – Она опустила глаза в чашку с кофе, в тёмной поверхности которого отразилось её смущённое лицо. – Скорее всего, он и вовсе меня не помнит.

В этот момент у неё внутри поднялась свинцовая, удушающая волна сомнений. Она стиснула зубы до боли, стараясь не выдать мелкой дрожи, что пробежала по её спине, как электрический разряд.

– Но это ведь шанс! – не унималась Наталья, её глаза горели азартом архитектора, строящего чужую судьбу. – Может, сейчас всё будет иначе! Время всё меняет.

– Глупо даже мечтать о чём-то, – заставила себя сказать Настя, впиваясь ногтями в собственную ладонь. Её слова повисли в воздухе, пустые и безжизненные, потому что глубоко внутри, вопреки всем доводам разума, уже вспыхнула и затанцевала маленькая, наглая, опалённая временем искорка надежды. – У меня своя жизнь, у него – своя. – Она сделала глоток воздуха, который обжёг лёгкие. – Если бы нам было суждено быть вместе, искра бы вспыхнула ещё тогда. Уж коль не случилось, значит, это не моя история.

И так же быстро, как и вспыхнула, та искорка внутри Насти погасла, задутая ледяным порывом здравого смысла. Ощущение было странным и щемящим – будто она собственной рукой захлопнула тяжёлую, резную дверь, даже не попытавшись заглянуть в щель, чтобы увидеть, что там, за ней. Прошедшие годы аккуратно, как музейный хранитель, разложили все её мечты и разочарования по ящичкам с чёткими ярлыками, и сейчас она сама вложила себе в руки ещё одну – прочную, лакированную коробку с биркой «Не судьба».

Наталья огорчённо вздохнула, её плечи опустились. Настя же попыталась изобразить на лице лёгкую, беззаботную улыбку, которая получилась кривой и неестественной, как маска. Конечно, впереди её ждало ещё множество поворотов, но в тот миг она с особой, пронзительной остротой почувствовала, как некоторые двери закрываются не с грохотом, а с тихим, шелковым щелчком – раз и навсегда. И на душе оставался лишь лёгкий, но неизгладимый отпе-

чаток, словно от прикосновения призрака – метка о возможности, которой так и не суждено было сбыться.

Эта новость о Кирилле растаяла, как утренний туман над Ангарой, без следа растворившись в безумном вихре будней. Настя продолжала свой путь, машинально вглядываясь в лица прохожих, словно гадалка, пытающаяся разглядеть в мутном хрустальном шаре черты своего суженого. Её взгляд скользил по чужим лицам, ища – и не находя – того особенного взгляда, той уверенной осанки. И когда отчаяние уже начало тихой, холодной водой подтачивать её изнутри, призрак надежды неожиданно обрёл плоть и кровь.

Но судьба, эта коварная художница с вечной лукавой усмешкой в уголках губ, уже готовила для неё новый, совсем не радостный этюд, написанный в мрачных, землистых тонах.

В предновогодней суматохе, заскочив к подруге с тяжёлым пакетом продуктов, пахнущих мандаринами и свежим хлебом, Настя буквально столкнулась в узком коридоре с её братом. Он был её зеркальным отражением, только в мужском облики: искромётный, с умом острым как бритва, с сердцем, в котором, казалось, бился самый источник доброты и щедрости. Он подмечал каждую мелочь – новую серёжку, грустную нотку в голосе, а его харизма обволакивала и притягивала, как мощный магнит.

Их отношения закружились в бешеном, головокружительном вихре, подобно ускоряющейся карусели, и Настя впервые за долгое время почувствовала, как внутри тает лёд, а сердце наполняется тёплым, живительным светом. Она смеялась громко и искренне, ловя на себе его восхищенный взгляд. Но над этим хрупким, новым счастьем с самого первого дня нависала тяжёлая, зловещая тень его прошлого. Однажды он оступился, сделав роковой шаг, и теперь был вынужден постоянно оглядываться, скрываясь от неумолимой, методичной руки правосудия.

И вот однажды, как гром среди ясного зимнего неба, раздался сдавленный, разрывающийся от паники звонок его сестры: ранним утром, пока город ещё спал, в дверь постучали твердо и безжалостно. Его забрали. На долгие четыре года.

Собравшись с подругами в тесной кухне, Настя металась по комнате, подобно бабочке, попавшей в невидимую, липкую паутину сомнений и страха. Она выкладывала свою сумбурную, обрывочную историю, слова путались, голос срывался. Она ждала от них поддержки, совета, хоть какой-то прочной нити, за которую можно было бы ухватиться, чтобы не утонуть в этом внезапном, холодном одиночестве.

Воздух в комнате застыл, густой и тяжёлый, словно пропитанный несбывшимися надеждами. Катя откинулась на спинку стула, её взгляд, острый и безжалостный, как скальпель, впился в Настю.

– И что ты намерена делать? – она вскинула бровь, и в этом жесте была попытка встряхнуть, вернуть к реальности. – Неужели ты просто будешь ждать? Сидеть сложа руки?

Настя опустила глаза на свои пальцы, сплетённые в тугую, белый от напряжения узел.

– Понимаете, он с самого начала был предельно честен со мной, – её голос прозвучал тихо, но в нём была странная, хрупкая твёрдость, как у тонкого льда на первом морозе. – Он не скрыл своей ошибки. И я видела его искреннее раскаяние. Для меня это не стало громом среди ясного неба. – Она сделала паузу, глотая ком в горле. – За эти четыре месяца, что мы были вместе, я ни разу не усомнилась в его чувствах. У него прекрасная, любящая семья... Я купалась в его внимании и нежности. Он не требует, чтобы я его ждала, но моё сердце... словно корнямиросло в него.

– Корнями? – Катя с отчаянием закатила глаза, её пальцы с силой сжали край стола. – Да о чём ты вообще? Он же не на курорт уехал! Ты понимаешь, где он сейчас?

– Я знаю, что четыре года – это пропасть, – отрезала Настя, поднимая на подруг взгляд, в котором плескалась упрямая боль. – Но я готова её преодолеть.

– Погоди, – мягко, как вечерний бриз, вмешалась Вика. Она положила свою руку поверх сжатых кулаков Насти. – А ты подумала о том, что за это время можешь встретить другого человека? Того, кто будет рядом, а не за решёткой? Того, кто действительно станет твоей судьбой?

– Девочки, все мои подружки давно замужем! – в голосе Насти прозвучала горькая, обжигающая нотка. Она обвела взглядом их лица – у каждой на пальце блестело обручальное кольцо. – Я у каждой была свидетельницей, всех вас под венец отвела, а мне вот всё никак не везёт. – Её голос дрогнул. – Может, это моё испытание такое...

– Ненормально – добровольно обрекать себя на годы ожидания, – жёстко, почти свирепо перебила её Катя. – Ты могла бы жить полной жизнью, встречать рассветы с новыми людьми, любить! А ты выбираешь тюремную камеру по собственной воле!

– С кем? – Настя растерянно посмотрела на подруг, и в её глазах стояла такая беззащитная тоска, что Вика отвела взгляд. – Что-то я не вижу, чтобы вокруг меня вились толпы поклонников! Порой мне кажется, что я просто обречена на одиночество. – Она сглотнула. – Я не уверена, что дождусь, но я приняла решение: буду ждать!

– Насть, послушай, – Вика наклонилась к ней ближе, её голос стал тихим и проникновенным, подобно шёпоту ангела-хранителя в кромешной тьме. – Я понимаю твои чувства, искренне понимаю. Но нельзя же хоронить себя заживо ради призрачной надежды. Ты замуруешь себя в этих четырёх стенах.

– Мы хотим только, чтобы ты была счастлива, – добавила Катя, и в её всегда твёрдом голосе прозвучала неподдельная, щемящая тревога. – Четыре года – это целая эпоха, Насть! Всё может измениться до неузнаваемости. И ты, и он.

– Я буду ждать, а там будь что будет! – отрезала Настя, и в её внезапно возросшем тоне не осталось и тени сомнений. Это была не просьба, не надежда – это был приговор, который она вынесла сама себе.

Подруги лишь обменялись красноречивыми, тяжёлыми взглядами. Они ясно видели: решение её было твёрдым, словно высеченным на камне, и никакие доводы разума уже не могли поколебать эту новую, жестокую веру.

Ирония судьбы, этот вечный художник-provokator, вскоре вновь свела её с Кириллом. Произошло это спустя некоторое время в гостеприимном доме Натальи, куда Настя забежала, чтобы на мгновение отвлечься от тягостной, однообразной суеты сборов – она заворачивала в плотную бумагу посылку для того самого человека «в места не столь отдалённые». Запах корицы и печенья, казалось, должен был согревать, но внутри у неё была лишь одна большая, ледяная пустота.

Увидев Кирилла, Настя не ощутила удара молнии – лишь ледяной укол разочарования под ложечкой, холодную волну, сковывающую внутренности. Перед ней стояла не тень былого идеала, а его жалкая, потрепанная пародия. Чёрные провалы на месте передних зубов зияли, как вход в подземелье, красноречиво свидетельствуя о пагубном пристрастии, съедавшем его изнутри. Весь его облик, от засаленного ворота рубашки до потухшего взгляда, кричал о тяжёлой, проигранной схватке с жизнью. Дорогая когда-то куртка болталась на нём, как на вешалке, безнадежно выцветшая и протёртая на локтях. Он, подобно уставшему, но не сдавшемуся актёру, изо всех сил старался сохранить маску уверенности, разваливающуюся по швам.

– Привет, Кирилл, – произнесла Настя, тщательно выравнивая каждый звук, чтобы скрыть дрожь потрясения, пробирающую до костей. – Как ты?

– Привет, Настя! – он натянуто ухмыльнулся, обнажая ту самую неприглядную пустоту. – Сколько лет, сколько зим. – Голос его хрипел, будто пересыпан пеплом.

Пока Анатолий и Наталья увлечённо, с горящими глазами, обсуждали раскладку товаров в своём новом магазинчике, Настя, собравшись с духом, решила нарушить тягостное молчание, висевшее между ними, как смог.

– Смотрю, ты начал выпивать, – мягко, почти нежно заметила она, будто касаясь открытой раны. – Насколько помню, пять лет назад ты и капли в рот не брал. Что случилось?

– Да! – он крикнул, отводя взгляд в сторону, к запотевшему окну. – До двадцати одного года к спиртному и не прикасался. – Он сделал глоток воздуха, словно ныряя в прошлое. – Понимаешь, жизнь – это череда сделок и договорённостей, а там без застолий никуда. Так дела вершатся. Постепенно я втянулся.

Он запнулся, замер на секунду, подбирая слова, которые звучали как заученная, истёртая мантра, и продолжил с наигранной, плоской лёгкостью:

– Все эти вечеринки, где вокруг царит непринуждённое веселье... Столько эмоций, столько свободы! – Он развёл руками, изображая восторг, которого не было в его потухших глазах. – Просто именно так и ведут дела настоящие воротилы бизнеса. Это же нормально, все так делают. На встречах за границей – там каждый поднимает бокал, чтобы закрепить сделку, поднять настроение. Это просто часть жизни, разве нет?

В его голосе звучала плохо сыгранная бравада, будто он убеждал в своей правоте не только её, но и, в первую очередь, самого себя, заглушая внутренний голос.

– Помню, как мы кутили в баре после удачной сделки! – его лицо на мгновение оживилось призрачным отсветом былого азарта. – Это было что-то невероятное! Мы выпили пару бокалов, и вся жизнь расцвела яркими красками.

Но Настя уже не слышала его. Она смотрела на этого человека – на эту бледную, опустившуюся карикатуру, на того, кто когда-то пленил её воображение одним лишь взглядом, – и чувствовала, как последние осколки её романтической иллюзии с тихим шелестом рассыпаются в прах у неё на ладони. Тень прошлого не просто нависла над ним – она его поглотила без остатка.

– Да, понимаю, ты был на вершине мира, – ответила Настя, тщательно подбирая слова, как острые осколки, которые она боялась выпустить. – Но как ты себя чувствуешь сейчас? Вот здесь. – Она чуть ткнула пальцем в сторону его груди.

– Чувствую? Да прекрасно! – он ухмыльнулся, и его рука машинально потянулась к стопке на столе. Он приподнял её в немом тосте. – Этот пьянящий миг свободы, когда можно отвлечься от всего с друзьями... Я просто люблю кураж, понимаешь? Ничего плохого в этом нет.

– Но разве ты не замечал, что это стало навязчивой потребностью? – осторожно, будто ступая по тонкому льду, спросила она. – Может, стоит немного притормозить и разобраться? Пока не стало хуже.

– Остановиться? – он резко, неестественно громко расхохотался, и звук этот был пугающе пустым. – Зачем? Это всего лишь часть жизни. Успешные люди тоже выпивают, чтобы укрепить связи и взбодриться. – Он откинулся на спинку стула с театральным видом победителя. – Я в любой момент могу завязать, если захочу.

– Ты правда так думаешь? – голос Насти прозвучал приглушенно, но в нём явственно читалось неодобрение, смешанное с тревогой. Она смотрела на него, и ей казалось, что видит, как с каждым его словом под ногами у него проваливается ещё один кусок твёрдой земли. – Каждая рюмка может стать шагом в пропасть. Не чувствуешь, как земля уходит из-под ног?

– Послушай, – он резко взглянул ей прямо в глаза, и в его потухшем взоре заиграли опасные, вызывающие искорки. – Я не растворяюсь в этом. – Он сделал жест рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. – Я просто ищу отдушину. Это же нормально – веселиться с друзьями, разве нет? Или ты теперь тоже за сухой закон?

– Да, но... – её слова застряли в горле, словно она подавилась горьким дымом его самообмана. – Во всём нужна мера, Кирилл. Даже в отдушине. Иначе она затопит всё.

– Мера, мера... – перебил он, с наигранным, театральным сокрушением вздохнув и закатив глаза. – Не волнуйся, я держу ситуацию под контролем. – Он щёлкнул пальцами, и звук

вышел сухим, пустым. – Выпивка – это всего лишь способ снять напряжение. Я знаю, что не зависим. У меня есть мечты, у меня есть цели. – Он выпрямился, пытаясь казаться больше, значительнее. – Успех ждёт меня, и никакие рюмки этому не помешают!

В его словах сквозило упоение призраками прошлых побед, и за показной самоуверенностью зияла пугающая, бездонная пропасть. Казалось, он не видел, что каждый поднятый бокал – это не ступенька вверх, а кирпич в стене, которую он возводил вокруг себя, отгораживаясь от реальности.

– Чем сейчас занимаешься? – спросила Настя, стараясь сменить тему, увести разговор от этого опасного обрыва. Её пальцы нервно теребили край скатерти.

– Да, знаешь, хотим открыть хозяйственный магазинчик, – ответил Кирилл, и его голос вновь налился дешёвым, хмельным воодушевлением. – Буду пробовать себя в роли предпринимателя. Хозяина жизни.

– Это здорово! – подбодрила она, заставляя себя улыбнуться, хотя на душе было кисло. – А почему именно хозяйственный? Неожиданный выбор.

Он шумно выдохнул, словно собираясь с мыслями перед прыжком в ледяную воду, и потеряв переносицу.

– Если честно, просто проанализировал рынок и решил, что сейчас это самое выгодное направление. – Он пожал плечами. – Никакой романтики, чистый расчёт. Бабло не пахнет.

– Это требует огромных усилий, – стараясь поддержать, сказала Настя, глядя, как его глаза блестят нездоровым блеском. – Но у тебя всегда был деловой нюх, ты справишься!

– Придётся покрутиться. Но всё получится, – улыбнулся Кирилл, и в глубине его глаз, на дне, вспыхнула едва уловимая, слабая искорка настоящего, старого азарта, тут же погашенная пеленой равнодушия. – Я не из тех, кто пасует перед трудностями.

Неловкая пауза повисла в воздухе, густая и тягучая. Настя сделала глоток чая, который казался безвкусным.

– Как дела на личном фронте? – спросила она, делая вид, что внимательно разглядывает узор на чашке и ничего не знает о его разводе.

– О, ты знаешь... – он отхлебнул из своей стопки, поморщился и поставил её со стуком. – Сейчас живу с мамой. С женой мы расстались. – Он произнёс это быстро, одним выдохом, но в этой короткой паузе после слов читалась целая неизбывная драма, спрессованная в секунду молчания. – Мама старается меня поддерживать. Но я хочу свою семью, хочу быть самостоятельным, но...

– Но? – мягко, почти шёпотом подтолкнула она, чувствуя, как приоткрывается тяжёлая, скрипящая дверь в его израненную, заблокированную наглухо душу.

– Но ещё не встретил ту самую, – невесело, криво усмехнулся он, и в его глазах, на миг ставших детскими и потерянными, промелькнула тень глубокого, запрятанного разочарования. – Вроде бы вокруг много хороших и даже замечательных женщин, но всё время чего-то не хватает, понимаешь? Какой-то малости. Или я уже просто разучился верить.

Он перевёл взгляд на Настю, и его глаза, мутные от выпитого, внезапно стали ясными и пронзительными. Он смотрел на неё неотрывно, будто вглядываясь в спасительный берег сквозь туман. В этом взгляде читался немой, отчаянный вопрос, невысказанная надежда и едва тлеющий огонёк, готовый вспыхнуть от малейшего слова одобрения, от любой брошенной ему соломинки.

– А разве твоя жена не была той самой? – тихо спросила Настя, боясь спугнуть эту хрупкую искренность.

Он опустил глаза, его пальцы сжали край стола так, что побелели костяшки.

– Моя бывшая жена – удивительная женщина, – он произнёс это с таким уважением, что стало почти больно слушать. – Но я, увы, очень сильно обидел её. Да и она выходила замуж не за того человека, которым я стал теперь. – Он горько усмехнулся, глядя на свои руки, будто

видя на них невидимые пятна. – Мы пытались склеить осколки нашей разбитой чаши, но... чуда не произошло. Слишком много трещин. Слишком много осколков потерялось. – Он глубоко вздохнул. – Сейчас нас связывает лишь дружба и мой чудесный сын, который растёт, радуя сердце. Мы поддерживаем тёплые отношения, и иногда я даже ловлю себя на том, что прошу у неё совета. Смешно, да?

– Я верю, что у тебя всё получится, Кирилл, – твёрдо, почти повелительно сказала Настя, глядя ему прямо в глаза, пытаясь силой воли влить в него хоть каплю своей веры. – В тебе есть жилка. Сильная. Её просто нужно откопать.

Он кивнул, медленно, и в этот момент, на фоне чужих смехов и бессмысленных разговоров, она отчётливо, почти физически ощутила: за всей этой шелухой бравады и саморазрушения, в самой глубине его сердца всё ещё живёт та самая, неутоленная жажда полноценной жизни. И мечта о семье, о настоящем доме, по-прежнему занимала там важное, кровоточащее место, несмотря ни на что.

– Знаешь, Наталья много хорошего про тебя рассказывала, – произнёс он, стараясь звучать непринуждённо, но в его голосе, внезапно сдавленном, чувствовалась робость подростка перед первой симпатией.

– Да, жизнь полна сюрпризов, – согласилась Настя, и в этот момент в ней что-то щёлкнуло, как будто повернулся ключ в давно заржавевшем замке. Она почувствовала, как между ними натягивается невидимая нить – тонкая, зыбкая, но невероятно прочная, связывающая два одиноких, потерянных конца одной и той же истории.

Она окинула его взглядом: он изменился до неузнаваемости, опустился, побился жизнью. Но глубоко внутри, под слоями разочарования и водки, всё ещё тлела та самая искра, что когда-то поразила её, как удар молнии в ясный день. Словно в самом дальнем углу пыльного сундука его прошлых поражений всё ещё хранилась крошечная, но живая надежда, терпеливо ждущая своего часа.

Вечером следующего дня, возвращаясь домой после работы, Настя обнаружила Кирилла у входа в подъезд. Он стоял под жёлтым кругом фонаря, и свет играл в его глазах, отражая робкую, трогательную и на удивление упрямую надежду. Октябрьские сумерки, синие и холодные, уже окутали город, намекая на грядущие перемены, на необходимость искать тепло. Закутанный в свою старую, потрёпанную кожаную куртку, он потирал замёрзшие, красные руки, дымя на морозе дыханием. Но его одно лишь присутствие – неожиданное, немое, выжидающее – необъяснимым образом согревало этот хмурый, промозглый осенний вечер, наполняя его трепетным ожиданием чего-то нового.

– Привет! – вырвалось у Насти прежде, чем она успела осознать собственное удивление. Её голос прозвучал громче, чем она хотела, и эхом отозвался в тихом подъезде. – Что ты здесь делаешь?

Он стоял, засунув руки в карманы своей потёртой кожаной куртки, и от этого выглядел немного потерянным, почти мальчишкой.

– Решил пригласить тебя на свидание, – прозвучало прямо, без предисловий и увёрток, словно он выдохнул слова, которые долго держал в себе.

– С чего вдруг? – её брови удивлённо поползли вверх. Она почувствовала, как что-то тёплое и трепетное кольнуло под сердцем.

– Мне кажется, у нас может что-то получиться! – заявил он с внезапной, почти наигранной уверенностью, но в его глазах читалась искренняя, робкая надежда.

– Неожиданно! – Настя с лёгким сомнением покачала головой, пытаясь скрыть нарастающее волнение. – И куда же мы пойдём?

– Есть недалеко одно уютное кафе. – Он сделал шаг вперёд, и свет фонаря выхватил его улыбку. – Я даже столик забронировал!

Совершенно не ожидая такого поворота, она вдруг подумала, что ужин в кафе звучит заманчиво. Почему бы и нет? Воздух был холодным, а внутри ей внезапно захотелось тепла и света.

– Ну, если только ужин! – сказала она, пытаясь сохранить хотя бы видимость контроля над ситуацией. – Мне нужно быть дома до полуночи.

– Как скажешь! – ответил Кирилл, и в его улыбке, широкой и открытой, промелькнул луч настоящего, детского предвкушения.

– Хорошо, я только переоденусь!

Быстро поднявшись в квартиру, Настя, не глядя, накинула первый попавшийся тёплый уютный свитер, пахнувший домом, и спустилась обратно, чувствуя, как колотится сердце.

Вскоре они уже сидели в полумраке кафе, утопая в мягком, танцующем свете свечей, отбрасывающем причудливые тени на стены. Ужин превратился в непрерывный, бурный поток откровений и искреннего, громкого смеха, будто они заново, на ощупь, открывали друг друга, удивляясь каждому совпадению. Кирилл, неожиданно галантный и внимательный, окружал её заботой, словно истинный джентльмен из старого кино, – подвигал стул, доливал воду, его взгляд не отпускал её ни на секунду.

– Знаешь, – промолвил он вдруг, отодвинув тарелку, и в его улыбке читалась какая-то заветная, сокровенная мечта, – я всегда мечтал о семье... и особенно о дочери.

– Почему именно о дочери? – не удержалась от вопроса Настя, поддаваясь обаянию этой внезапной исповеди.

– Не знаю, сердце просит девочку! – его глаза загорелись особенным, тёплым светом. – Я бы научился плести ей косички, завязывать бантики, выбирать самые красивые платья... Ходить на родительские собрания и гонять от неё нахальных мальчишек.

– Да ты сентиментальный романтик! – воскликнула она, искренне удивляясь этому новому, незнакомому образу.

– Моя мама всегда мечтала о дочке, а у неё двое сыновей... – он вздохнул, но без грусти. – Теперь вот ждёт внучку!

– Так ты хочешь девочку, чтобы порадовать маму? – уточнила Настя, поддаваясь игре.

– Нет! – покачал головой Кирилл, и его лицо стало серьёзным. – Просто она так живо, так красочно рассказывала о своей мечте, что она отпечаталась и в моём сердце. Да и сын у меня уже есть, к слову. – Он произнёс это легко, без тяжести.

– А о чём ещё ты мечтаешь? – не унималась Настя, замороженная его неожиданной откровенностью.

– Представляю тихий семейный вечер, – его голос стал тише, почти мечтательным. – Свой уютный уголок, где тебя всегда ждут... С тёплым домашним ужином, с детским смехом... Где пахнет пирогами с яблоками и ароматным чаем.

– Это звучит восхитительно, – прошептала она, чувствуя, как по жилам разливается странное, согревающее тепло, а в груди что-то сжимается от нежности.

– Хочу, чтобы у нас с тобой была дочка, – вдруг сказал он, и в его голосе, тихом, но чётком, прозвучала опасная, завораживающая интрига.

Лёгкий румянец вспыхнул на её щеках. Свечи казались вдруг ярче.

– У нас с тобой? – прошептала Настя с робкой, растерянной улыбкой, полная недоумения и странного, щемящего волнения.

– Да! – твёрдо ответил он, пронзая её испытующим, глубоким взглядом, от которого у неё перехватило дыхание и похолодели кончики пальцев.

– Ну, ты как-то стремительно переходишь к наступлению... – Настя с лёгким смущением отодвинула бокал, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Разве у нас есть отношения? Мы всего лишь час как ужинаем.

– Не знаю, – задумчиво произнёс он, проводя пальцем по запотевшему краю стола, оставляя прозрачную полосу. – Варианты развития событий могут быть разными... Но пока я просто позволяю себе мечтать, как это могло бы быть. – Он снова посмотрел на неё, и в его взгляде была неподдельная нежность. – Хотелось бы, чтобы наша дочь унаследовала твой характер – такой же смелый и уверенный.

– Но ты ведь меня совсем не знаешь! – воскликнула она, чувствуя, как жар разливается по щекам и шее.

– Ну почему же, – улыбнулся он, и в его глазах, таких ясных сейчас, заплясали весёлые, озорные искорки. – Заочно – вполне. Наталья оказалась очень красноречивой.

– Понимаешь, дело в том, что я не совсем свободна... – голос Насти внезапно дрогнул, став тихим и незащищённым. Её пальцы сжали край скатерти, белые костяшки выступили под кожей.

Его улыбка, такая открытая и лёгкая секунду назад, мгновенно исчезла, словно её сдуло резким порывом ветра. Лицо стало серьёзным, внимательным.

– Это как, не совсем?

– У меня есть молодой человек. – Она выдохнула эти слова, чувствуя, как они обжигают губы. – Но он сейчас... не может быть рядом. Он отбывает срок. – Она посмотрела куда-то мимо него, в полумрак зала. – Поэтому я не могу обещать, что у наших отношений есть будущее. Вообще не могу ничего обещать.

Тягостная, густая пауза повисла в воздухе между ними, нарушаемая лишь тихим, предательским потрескиванием свечи, будто сама судьба прислушивалась к их разговору. Затем он медленно выдохнул и твёрдо, почти жёстко произнёс:

– Знаешь, это печально. По-настоящему печально. Но я не собираюсь отступать. – Его взгляд стал прямым и упрямым. – Вдруг всё-таки ты передумаешь.

– Это было бы нечестно по отношению к нему, – прошептала Настя, опуская глаза в почти полный бокал, чтобы скрыть наворачнувшиеся слезы. Она чувствовала себя предательницей.

– Но и по отношению к тебе тоже несправедливо, – мягко, но с железной настойчивостью парировал Кирилл. Его голос звучал тихо, но каждое слово било точно в цель. – Ты замуровываешь себя в этой верности. В любом случае решать тебе. – Он сделал небольшую паузу, давая словам просочиться в самое сердце. – Но я всё-таки попытаю счастья, если позволишь!

В этот миг Настя почувствовала, как её сердце буквально разрывается на части от противоречия. Одна его половина жаждала утонуть в этом тёплом, золотистом свечном свете, здесь и сейчас, забыть обо всём, а другая – отчаянно, до боли цеплялась за верность тому, кто ждал её там, за колючей проволокой, в сером, безрадостном мире. Судьба, словно безжалостный страгег, вновь расставляла на доске её жизни коварные ловушки, и каждый ход был мучительным.

– А что, если я буду иногда появляться в твоей жизни, как мираж? – внезапно оживился Кирилл, и его слова, лёгкие и соблазнительные, вырвали её из оцепенения. – Никаких обязательств, лишь тихие вечера вдвоём. А вдруг в этом мерцании свечей ты разглядишь во мне нечто большее, чем просто приятеля? – произнёс он, и в его голосе зазвучала хрупкая, но упрямая, почти детская надежда.

С каждым его словом Настя чувствовала, как почва уходит из-под ног. Кирилл не просто лелеял мечту о будущем – он отчаянно, прямо сейчас, пытался вылепить его своими руками, грубыми и нежными одновременно. Они перешли на более лёгкие темы, и беседа вновь заискрилась смехом и живыми спорами, но его образ с каждой минутой становился для неё всё более притягательным, загадочным и... опасным.

Домой она вернулась под утро, когда небо на востоке уже начинало светлеть, переполненная противоречивыми чувствами, как сосуд, готовый перелиться через край. Но на пороге, в сером свете раннего рассвета, её уже ждала сестра Ольга. Она стояла, скрестив руки на груди, а её лицо было напряжено и сурово, как осенняя туча.

– Где тебя носило?! – её голос, холодный и резкий, как удар хлыста, разрезал утреннюю тишину и не оставлял места для оправданий. – Ты хоть представляешь, сколько времени? Я с ума сходила от беспокойства!

Настя замерла на пороге, как загнанный зверь, ощущая, как вся та радость и тепло, что были внутри, мгновенно испаряются под её ледяным взглядом. Она почувствовала себя виноватым ребёнком.

– Оль, да я просто... с друзьями задержалась, – пролепетала она, пытаясь проскользнуть в щель между гневом и беспокойством, но лицо сестры исказила гримаса настоящего, неподдельного гнева.

– Друзья? – Ольга ядовито рассмеялась, и звук этот был резким, как стекло под ногой. – Ах, друзья! – Она сделала шаг вперёд, и тень от её фигуры накрыла Настю. – Ты просто безответственная девчонка! – отрезала она, не дав договорить, и каждое слово било точно в цель, как молоток по гвоздю. – И это повторяется из раза в раз! Неужели ты не понимаешь, что так нельзя?

Её слова, тяжёлые и увесистые, как булыжники, обрушивались на Настю, оглушая и подавляя. Она почувствовала, как сжимается внутри, становясь маленькой и виноватой.

– Я не хотела тебя волновать, – пробормотала Настя, глядя куда-то в сторону, на сбитый с ног коврик у двери, пытаясь хоть как-то сгладить вину, которую ощущала физически – тяжёлым камнем в желудке.

– Волновать?! – воскликнула сестра, взмахнув руками в отчаянии, и этот жест был полон такой беспомощной ярости, что Настя инстинктивно отступила. – Да ты накликаешь беду! Гуляешь до зари, словно у тебя нет ни капли ответственности! Ни перед собой, ни перед нами!

– Оль, я уже взрослая. – Голос Насти дрогнул, в нем пробивалась обида. – Имею право на глоток свободы. Я не маленькая! – попыталась она возразить, но гневный, резкий выпад Ольги снова прервал её на полуслове.

– Свободы? Послушай, свобода – это прекрасно, – её голос стал ядовито-сладким, – но ты забываешь, что отвечаешь не только за себя! У тебя есть племянница, которая смотрит на тебя широкими глазами и думает, что всё дозволено! Ты ей пример!

Её слова, острые и точные, как ледяные иглы, пронзили сердце Насти. Она представила лицо девочки и почувствовала укол стыда.

– Я не хочу быть плохим примером... – прошептала она, сжимая пальцы в кулаки. – Но иногда мне просто необходимо вырваться из этого замкнутого круга. Мне тоже нужно строить свою жизнь. Дышать.

Ольга вздохнула, и напряжение в её плечах немного спало. На её лице, в морщинках у глаз, промелькнула тень не гнева, а глубокой, накопленной усталости.

– Я понимаю, что тебе нужно развеяться, – произнесла она тише, уже не так резко, устало проводя рукой по лбу. – Но что нам делать? Я одна воспитываю дочь, и мне совсем не нужна ещё одна головная боль. Постоянная.

– Почему ты заранее решила, что я принесу тебе одни проблемы? – голос Насти сорвался на крик, в котором смешались боль и отчаяние. – Неужели я должна до конца дней просидеть взаперти, как в тюрьме? Как мне тогда устроить свою жизнь, не выходя из дома? Как встретить кого-то?!

Ольга лишь молча кивнула, и в её взгляде, уставшем и безнадёжном, Настя уловила тот самый, знакомый с детства укол упрёка, который больно отозвался где-то глубоко внутри, в самом уязвимом месте.

В воздухе повисло густое, почти осязаемое напряжение, сотканное из недосказанности, усталости и взаимного, горького непонимания. Казалось, его можно было потрогать рукой.

Дни летели, сменяя друг друга, как размытые кадры старой киноленты. Жизни Насти с Кириллом стали переплетаться с новой, тихой силой – робко, неуверенно, будто два заблу-

дившихся путника, нащупывающих общую дорогу домой в кромешной тьме. Чаще всего это были просто встречи в шумной компании Натальи и Анатолия, за столом, полным еды и вина, где они обменивались новостями и строили воздушные, хрупкие замки из будущих планов. Его глаза по-прежнему искрились озорными, живыми искорками, а смех был таким же заразительным и громким, как в те далёкие, беззаботные времена. Настя всё ярвственнее чувствовала его знаки внимания – лёгкие, почти невесомые прикосновения к душе, взгляд, задерживающийся на ней на секунду дольше положенного, которые он старательно замаскировывал под случайность.

– Ты классно готовишь, – сказал он однажды вечером, прислонившись к косяку кухонной двери и наблюдая, как она ловко, почти профессионально, помешивает поджаривающиеся на сковороде овощи. Золотистые блики газового пламени играли на его лице, смягчая черты. – Я бы никогда не смог сделать такое. У меня даже яичница вечно пригорает и превращается в уголь.

– Не преувеличивай, – улыбнулась Настя тёплой, смущённой улыбкой, которая против её воли тронула губы. Его простые, искренние комплименты заставляли её опускать глаза, но где-то глубоко в груди разливалось приятное, щемящее, опасное тепло.

Его улыбка в ответ становилась шире, открытой и по-настоящему тёплой, словно солнце, наконец прорвавшееся сквозь плотную завесу осенних туч и осветившее всё вокруг, напомнив о возможности счастья.

– Знаешь, ты была бы отличной мамой, в тебе есть что-то особенное, – прозвучало неожиданно тихо, заставив краску залить её щёки.

Эти слова повисли в воздухе, густые и сладкие, как мёд. Они обожгли её, заставив сглотнуть внезапно подступивший к горлу комок, и звучали не как лёгкий комплимент, а как признание. Как робкая, но такая желанная надежда на другое будущее.

– С чего ты взял? – её голос дрогнул, пытаясь укрыться за шуткой. – Тебе что, сказали, что я хорошая нянька?

Но шутка не смогла защитить её. Слова нашли дорогу к самым потаённым струнам её души и отозвались в них тихой, нарастающей дрожью.

С каждым совместным вечером пространство между ними будто сжималось, наполняясь тихим током притяжения. Они становились ближе, как два магнита, преодолевающие невидимые барьеры. И однажды, в самый разгар беззаботного смеха и болтовни, Кирилл вдруг спросил. Его вопрос прозвучал резко и тихо, как выстрел в упор, заглушив собой все другие звуки.

– Настя, а что ты думаешь о нашем будущем?

В его голосе не осталось и следа от былой лёгкости – только серьёзность и лёгкая хрипотца, выдавшая его волнение. По спине Насти пробежала лёгкая дрожь, и она почувствовала, как воздух наполнился тяжестью судьбоносного момента.

– Я верю, что у каждого из нас свой путь, – её собственный голос показался ей чужим, она тщательно подбирала каждое слово, стараясь не выдать внутренней паники. – И надеюсь, что он будет светлым.

Кирилл ненадолго прикрыл веки, и в мгновенной тишине ему показалось, будто он пытается поймать сачком её ускользающий ответ, как редкую бабочку, и удержать его.

Их чувства, вызревавшие изо дня в день, наливались силой и глубиной, подобно старому вину, набирающему букет в тишине погреба. В один из таких тихих вечеров они укутались в большой мягкий плед, а мерцание экрана рисовало на стенах причудливые тени. Комната наполнилась атмосферой романтической мелодрамы, и они позволили себе помечтать.

– Представляешь, если бы мы жили как герои этих фильмов? – Кирилл устроился рядом так, что его плечо стало тёплой опорой для её головы. Его глаза, отражающие блики экрана, светились азартом, и казалось, сама комната наполнилась воздухом их общей, ещё хрупкой мечты.

– Ну да, – она обняла его, прижалась щекой к грубой ткани его свитера, чувствуя под ней надёжный ритм сердца. – Только не знаю, смогли бы мы пережить такие страсти. В реальной жизни не всегда всё так просто.

Кирилл наклонил голову, и его усмешка прозвучала прямо у неё над ухом.

– Да, но давай представим, – его голос снова зазвенел азартом, сметая все её сомнения. – Как здорово было бы! Мы будем путешествовать по миру, исследовать новые места. Как насчёт поездки в Париж?

– Ах, Париж! – она закрыла глаза, и перед ней проплыли образы, рождённые тысячами кинокартин: узкие мощёные улочки, аромат кофе и свежей выпечки из уличных кафе, богемные художники на набережной. – И ты будешь рисовать мне уличные пейзажи на бумажных салфетках?

Его смех прозвучал громко и радостно, заполнив собой всё пространство комнаты, сметая последние остатки неуверенности и страха.

– И я буду делать это с любовью, – уверенно заявил Кирилл, и его голос прозвучал как обет. Он наклонился ближе, и в полумраке комнаты его глаза блестели с новой силой. – Мы создадим свою маленькую вселенную.

Настя смотрела на него, зачарованная этой непоколебимой верой, которая, казалось, исходила от него почти физически, согревая её лучше любого пледа.

– А ещё... – её собственный голос дрогнул от внезапно нахлынувшего волнения, – мы вырастим двоих маленьких принцев.

– Двоих? – повторил он с притворным удивлением, но в уголках его губ уже играла счастливая усмешка. – Значит, никакой экономии на игрушках и сладостях!

– Вот именно! – парировала Настя, и их смех слился воедино, лёгкий и беззаботный. – Мы будем настоящей командой.

На экране тем временем кипели нешуточные страсти. Влюблённые герои сражались со всем миром ради своего счастья. И они, подхваченные этой волной, продолжали рисовать в воздухе картины своей будущей жизни – такой же яркой, наполненной любовью и гармонией.

Но за этим сияющим фасадом таилась другая, тёмная сторона их зарождающегося романа, нависая над горизонтом, как грозовая туча. Кирилл любил выпить. Слишком любил. И эта его страсть была живой, почти осязаемой силой, с которой он, казалось, не в силах был справиться. В груди Насти поселился холодный камень страха – страха потерять его, осознавая, что её сердце уже сделало свой выбор.

Однажды на вечеринке, окружённые гомоном голосов, они снова строили воздушные замки. Кирилл с жаром рисовал в воздухе контуры их будущего дома, их сада, их жизни. И в этот момент Настя, чувствуя, как сердце сжимается от тревоги, решила ступить на хрупкий лёд.

– Кирилл, – её голос прозвучал тише, чем обычно, едва слышно сквозь шум. – Мы можем мечтать до бесконечности... но...

Он мгновенно уловил дрожь в её тоне. Веселье моментально схлынуло с его лица.

– Что-то случилось? – спросил он, и в его глазах мелькнула искренняя тревога.

– Просто... – она с трудом подбирала слова, чувствуя, как ком подступает к горлу. – У меня сердце сжимается, когда я вижу, как ты ищешь утешение на дне бокала. Я вижу, как ты тонешь, и... это пугает меня до дрожи.

Он на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Воздух между ними стал густым и тяжёлым.

– Я могу бросить в любой момент, Настя! – прозвучало почти вызовом, но в его голосе слышалась и какая-то надтреснутая нота.

– Тогда почему не сделаешь этого? – её собственный голос предательски задрожал. – Ты грезишь о доме, о детях. Но как ты собираешься строить наше будущее, если продолжаешь падать в эту бездну?

– Я не хочу тебя потерять, – вырвалось у него с такой обезоруживающей, голой искренностью, что у Насти перехватило дыхание.

– Кирилл, нельзя просто закрывать глаза, – выдохнула она, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, а эмоции накатывают, сметая все преграды. – Если это так легко, как ты говоришь – просто брось. Пожалуйста. Я боюсь, что однажды ты проснёшься и поймёшь, что потерял всё из-за этой страсти.

– Не веришь? – его голос зазвенел стальной решимостью, перекрывая шум вечеринки. – А давай поспорим! С завтрашнего дня – ни капли! Но мне нужна твоя поддержка, Настя. Без тебя мне ничего не нужно.

Настя глубоко вздохнула, её взгляд пристально изучал его лицо, выискивая малейшую трещину в этой внезапной уверенности, тень сомнения за решительной маской.

– Я хочу быть с тобой, – вырвался у неё шёпот, в котором сплелись и любовь, и отчаянная, почти болезненная надежда. – Давай построим нашу счастливую жизнь вместе.

– Настя, – он взял её руки в свои, его пальцы были тёплыми и слегка дрожали. Взгляд, прямой и открытый, был полон искр романтики и какого-то нового, чистого света. – Я готов бросить пить. Если ты станешь моей женой и подаришь мне детей, я верю, что это сделает меня лучше и сильнее. Ты выйдешь за меня?

Буря противоречивых эмоций захлестнула её с ног до головы. Она будто стояла на краю пропасти, где один неверный шаг мог разрушить всё. Это было спонтанно, безрассудно, но в его голосе звучала такая оголённая искренность, такая щемящая надежда, что сопротивляться было невозможно.

– Ты действительно хочешь этого? – и вновь её собственный голос прозвучал неуверенно, но где-то глубоко в груди уже загорался маленький, дрожащий огонёк.

– Я жажду этого, Настя. Я сделаю всё, чтобы стать лучшим мужем и отцом, – он говорил с такой убеждённостью, что его слова согревали её, как тёплое одеяло в стужу.

Несколько секунд в воздухе висела тишина, густая и напряжённая. Она взвешивала его слова, как драгоценные камни, ощущая их тяжесть. С одной стороны – пугающая бездна его зависимости, угрожающая поглотить их обоих. С другой – та самая искра, что теплилась в его глазах, хрупкий, но упрямый росток надежды, пробивающийся сквозь асфальт отчаяния. И любовь – настоящая, растущая вопреки всему.

– Я согласна, – наконец выдохнула она, и эти слова подхватила волна облегчения. – Но только если ты действительно готов бросить пить. Не ради меня, а ради себя. Ради нашей будущей семьи. Ради той жизни, о которой ты только что мечтал.

Он крепко, почти болезненно обнял её, прижав к себе так сильно, будто боялся, что она рассыплется в прах, окажется миражом. Его плечи слегка вздрагивали, а на ресницах блестели слёзы – не горькие, а очищающие, слёзы счастья и долгожданного освобождения.

В этот миг Настя почувствовала, как что-то щёлкнуло внутри. Возможно, это и был тот самый единственный шанс, тот поворот судьбы, который выпадает раз в жизни и который нельзя упустить.

Глава 3

До встречи с Кириллом дни Насти сливались в однообразную, серую полосу. Они тянулись, как сонная река под низким пасмурным небом, где единственным звуком был шелест увядающих надежд. Каждое утро начиналось со скрипа двери маленького магазинчика, где за прилавком она проводила долгие часы, разменивая мелочь для смазанных, вечно спешащих лиц. Вечерами ноги сами несли её обратно, в обшарпанную двушку с выцветшими до блёклости розами на обоях и полом, который жалобно скрипел под каждым шагом. В этой тесноте, которую она делила с сестрой Ольгой и её юркой дочкой Леночкой, её единственным спасением были мечты. Уставив взгляд на запylённое окно, она представляла себе другое: кружевные занавески, пропускающие солнечный свет, звонкий смех в комнатах и тёплые, надёжные объятия, в которых не было места одиночеству.

Однажды за ужином, пахнувшим томатным соусом и варёными макаронами, Ольга вдруг отложила вилку. Её взгляд, острый и тревожный, будто предчувствуя недоброе, уколол Настю.

– Опять витаешь в облаках, мечтательница? – голос сестры прозвучал привычно, буднично, но в нём слышалась затаённая усталость. Она пододвинула к Насте тарелку, где макароны по-флотски остывали, образуя на поверхности жирную плёнку.

Настя обречённо вздохнула, и этот вздох вышел таким тяжёлым, словно она выпускала из груди птицу, которую слишком долго держала в заточении.

– Ольга, неужели это всё? Доколе мне томиться в этой башне? Сердце ведь не камень – оно хочет любить!

– Несправедливо, зато безопасно! – ладони Ольги сжались в кулаки, белые от напряжения, будто она отгораживалась от невидимых призраков собственного прошлого. – Помнишь, через что я прошла? Не хочу, чтобы ты наступила на те же грабли. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Разговор прервал звонкий голосок. Леночка, увлечённо строившая на полу башню из разноцветного пластика, подняла на тётю свои большие, ясные глаза.

– Настя, а ты когда-нибудь выйдешь замуж за принца?

У Насти на мгновение перехватило дыхание. Она натянута улыбнулась, чувствуя, как в груди что-то сжимается от щемящей, знакомой тоски.

– Может быть, когда-нибудь, солнышко. Но только за самого настоящего.

– А принцы они добрые? – не унималась девочка, разглядывая пластмассовый кубик, будто пытаясь определить, достаточно ли он хорош для королевского замка.

Голос Насти дрогнул, когда она отвечала, стараясь звучать твёрже, чем была на самом деле:

– Настоящие принцы... они делают мир ярче. Как самое первое утро.

– Принцы, как ты говоришь, не всегда оказываются теми, кем кажутся, – голос Ольги прозвучал резко, словно она откусила что-то горькое. Её пальцы сжали край стола так, что костяшки побелели. – Они могут оказаться лишь призрачными иллюзиями, мерцающими в темноте и исчезающими на рассвете.

– Но ведь ты же верила в сказки, когда была маленькой, разве нет? – Настя посмотрела на сестру, пытаясь разглядеть в её усталых глазах отсвет той давней, дремлющей веры.

Ольга медленно отвернулась к окну. За стеклом багровое солнце, точно раскалённый шар, медленно тонуло в сизой дымке горизонта, окрашивая комнату в траурные, красно-оранжевые тона.

– Верила... – её голос прозвучал приглушённо, как эхо из другого помещения. – Но реальность гораздо суровее. Сказки – это для детей.

Настя увидела, как гаснет последний огонёк надежды в глазах сестры – быстро и бесповоротно, как осенний лист, сорвавшийся с ветки и уносимый порывом холодного ветра. Мир за окном, огромный и манящий, казался теперь неприступной крепостью, охраняемой невидимым, но очень реальным драконом боли.

– Ты же не должна отказываться от своих желаний, – робко проговорила Настя, её собственные слова показались ей неестественно громкими в гнетущей тишине кухни. – Может, стоит просто попытаться... поискать, пообщаться с кем-то?

Ольга резко качнула головой, короткое, отрывистое движение, мгновенно обрывающее любые дискуссии.

– Новые знакомства не приносят ничего, кроме боли. Поверь моему опыту. – Её голос был плоским и окончательным, как приговор.

– Но ты не можешь решать за меня, – тихо, но чётко возразила Настя, и где-то глубоко внутри, под грудой страхов и сомнений, что-то упругое и живое стало пробиваться наружу.

Леночка, уловив напряжённую паузу, поднялась с пола, сжимая в руке пластмассовую башенку от замка. Её лицо сияло безмятежной решимостью.

– Я построю замок для твоего принца! – объявила она, и её звонкий голосок на мгновение рассеял тяжёлый воздух.

Тёплая волна благодарности смыла часть Настиного напряжения. Но тень сестры была неумолима. Воспоминания о муже-алкоголике, о его пустых бутылках и сломанных обещаниях, оставили в душе Ольги незаживающую рану. Её страх был таким же плотным и непроницаемым, как броня, а её запреты – тяжёлыми цепями, сковывающими Настины порывы к свободе и счастью.

Возможно, ей нужно было найти способ вывести их обоих из этого мрачного леса обречённости, развеять тень, накрывшую их жизни.

И тогда, будто в ответ на её безмолвные, отчаянные мольбы, в её жизни появился он. Кирилл. Его предложение, его пламенные обещания семье, детей, нового будущего, ворвались в её жизнь как шквал свежего ветра, наполнив паруса её надежды стремительной силой. В тот вечер, в уютном полумраке ресторана, где мягкий свет ламп отсвечивал в хрустале, они заключили молчаливый договор. Она сказала «да». И в тот же миг привычный мир Насти треснул и раскололся, чтобы сложиться заново – яркий, ослепительный и полный новых красок.

Однажды, во время неспешной прогулки по осеннему городу, утопающему в бархатных сумерках, Кирилл внезапно остановился. Его лицо озарила та хитрая, лукавая улыбка, от которой у Насти замирало сердце.

– Давай заглянем к моей бабуле, – предложил он, и в его глазах заплясали озорные искорки. – Её пироги – это не просто еда, а настоящая легенда!

В тот миг где-то глубоко в груди Насти, под слоем привычной осторожности, робко затеплился маленький, но упрямый огонёк надежды. Это было больше, чем просто предложение зайти в гости. В нём чувствовался тихий намёк на начало нового пути, который, как ей отчаянно хотелось верить, наконец приведёт к тому самому теплу, любви и смеху, о которых она так долго и безнадежно мечтала.

– Но это как-то неудобно... так внезапно, – попыталась она возразить, но Кирилл ласково покачал головой, мягко прерывая её сомнения.

– Ты просто обязана с ней познакомиться! Она – человек-легенда! – настаивал он, и в его голосе звучало столько неподдельного тепла и восхищения, что её сопротивление мгновенно растаяло, словно иней на осеннем солнце.

Дверь открыла Антонина Леонтьевна – невысокая, подвижная женщина с лучистыми голубыми глазами, которые, казалось, вбирали в себя весь свет прихожей. В свои семьдесят лет она поражала какой-то внутренней энергией, которая исходила от неё почти физически,

согревая всё вокруг. Аккуратно уложенные каштановые волосы с изящной проседью обрамляли живое, морщинистое лицо, а её рукопожатие было твёрдым и тёплым.

Едва они переступили порог, Настю накрыло тёплым, обволакивающим вихрем бабушкиной заботы. Воздух в квартире был густым и насыщенным – сладковатый аромат только что испечённых пирогов смешивался с пряным духом домашних солений и маринадов. Стол, словно по мановению волшебной палочки, мгновенно превратился в щедрую скатерть-самобранку: на нём красовались румяные пироги с капустой, аппетитно поблескивающие маслом, маринованные огурчики в банках, словно застывшие изумруды, а в центре этого пиршества стоял графин с настойкой на калине – густой, рубиновой, переливающейся тёплым светом.

Вечер, согретый душевными рассказами бабушки о проделках маленького Кирилла, наполнился таким искренним, заразительным смехом, таким проникающим в самое сердце уютом, что Настя забыла обо всех своих тревогах и сомнениях.

– Знаешь, – начала бабушка, лукаво прищутив свои лучистые глаза и понизив голос до конспиративного шёпота, – Кирилл в детстве был тем ещё сорванцом. Однажды они с двоюродными братьями надумали, что нет ничего прекраснее, чем принести домой... «жёлтый лёд».

– «Жёлтый лёд»? – переспросила Настя, чувствуя, как предательская улыбка тянет уголки её губ, и она изо всех сил старается сохранить серьёзное выражение лица.

– Ох, и не спрашивай! – заразительно рассмеялась бабушка, запрокидывая голову. Её смех был звонким и молодым, словно звон хрустального колокольчика. – Откуда ж им было знать, что это замёрзшие... проделки соседского пса! Представляешь, с гордостью несут, как будто откопали сокровище!

Смех их троих разлился по комнате.

– Представь картину, – продолжала бабушка, смакуя каждое слово, – водружают они этот «ледяной шедевр» прямо на кухонный стол, а я ни о чём не подозреваю. И тут мой Кирюша, сияя, как медный грош, выдаёт: «Бабуль, смотри, какой необыкновенный лёд мы нашли!»

– И как же вы отреагировали? – Настя засмеялась, прикрывая рот ладонью, но смех уже прорывался сквозь пальцы.

– Я дар речи потеряла! – закатила глаза Антонина Леонтьевна, и её лицо сморщилось в комической гримасе. – Но чтобы не обидеть маленьких гениев, сказала, что, конечно, экзотика – дело хорошее, но место ей всё-таки в унитазе. И руки, говорю, марш мыть, с мылом и щёткой!

Их общий смех, звонкий и раскатистый, наполнил маленькую кухню, смешиваясь с ароматом чая и свежей выпечки. Настя чувствовала, как какая-то тёплая, тягучая волна покоя и счастья разливается по её телу. В обществе этих двух людей, уже успевших стать ей такими близкими, она ощущала себя на своём месте.

Когда пришло время прощаться, Настя с удивлением обнаружила, как быстро пролетел вечер. Обнимая Антонину Леонтьевну на прощание, она прошептала ей на ухо, и слова сорвались сами, бездумно и искренне:

– Я вас люблю! Вы невероятно замечательная!

Несколько дней спустя Настя стояла на кухне, бессознательно вытирая одну и ту же тарелку, взгляд её был устремлён в окно, в тёмное осеннее небо. Она не услышала, как вошла Ольга.

– О чём опять задумалась? – резковато спросила сестра, её голос прозвучал как щелчок, возвращающий к реальности.

Настя медленно повернулась. Ладони у неё вдруг стали холодными и влажными.

– Оля... – её голос дрогнул, но внутри что-то упругое и твёрдое заставило её выпрямиться. – Кирилл сделал мне предложение. И я беременна. Я выхожу замуж.

Воздух на кухне словно загустел. На лице Ольги сменялись выражения: сначала недоумение, затем мгновенная вспышка гнева, и наконец – ледяная маска ужаса. Собравшись с духом, Настя продолжила, торопливо выкладывая слова, пока хватало смелости:

– Мы можем пожить у папы. Ему сейчас так нужна помощь. Он совсем ослаб после приступа.

Их отец, после смерти мамы, доживал свой век в однокомнатной квартире Ольги – наследии её неудачного брака. За последний год он сник, ссутулился, и в его глазах поселилась постоянная, тихая нужда.

– А Кирилл знает, что ты ждёшь ребёнка? – голос Ольги прозвучал тихо и опасно.

– Нет, ещё нет. Но он всё время говорит об этом, будто чувствует... Сегодня я ему расскажу.

Тот вечер тянулся мучительно долго. Каждый скрип шагов за дверью заставлял Настино сердце бешено колотиться. Когда, наконец, появился Кирилл, пахнувший ноябрьским холодом и сигаретным дымом, она выпалила, не дав ему даже разуться, срывающимся от волнения голосом:

– Кирилл, у нас будет малыш.

Она зажмурилась, готовясь к худшему. Но вместо него последовала тишина. Она открыла глаза и увидела, как его лицо медленно, словно на рассвете, озаряется широкой, безудержной улыбкой. Глаза его блестели, как два искрящихся осколка льда на солнце.

– Я знал! – выдохнул он, и его голос сорвался на счастливый смех. – Я же говорил, что ты мне обязательно родишь дочку! Это потрясающе!

Он схватил её в охапку, закружил по тесной прихожей, прижимая к себе так сильно, что у неё перехватило дыхание. Все её страхи, все чёрные тучи сомнений разом растворились в этом безумном, тёплом вихре.

– Я знал, я знал! Я же говорил тебе – да! Помнишь! – твердил он, пряча своё лицо в её волосах.

Настя прижалась к его груди, слушая частый, радостный стук его сердца. Она уже представляла себе всё: как он, смешной и нелепый, будет катить по аллее коляску, как будет читать вслух сказки на ночь, как будет бежать рядом с первым велосипедом. В тот миг она поняла – что бы ни случилось, главное уже произошло. В её душе, после долгих лет метаний, наконец воцарились мир и тишина.

Весь тот вечер они провели, строя воздушные замки из будущего. Воздух в комнате казался густым и сладким от их счастливых планов, в нём кружились, словно конфетти, имена для ещё не рождённого малыша. Они спорили, смеялись, и в этих спорах не было ни капли раздора – только общее, лихорадочное стремление выстроить тот самый прочный, тёплый мир, в котором будет расти их ребёнок. Казалось, их связывала не только любовь, но и сама эта мечта, яркая и осязаемая, как огонь в камине.

Через несколько дней они переехали к отцу Насти. Она оформила больничный по уходу, а Кирилл с головой ушёл в свой небольшой хозяйственный магазинчик, ставший теперь их главной опорой. Денег катастрофически не хватало – скромные доходы от бизнеса и тощая пенсия отца растягивались с трудом, но Настя упрямо гасила в себе тревогу. Их спасала поддержка большой семьи Кирилла. В этой шумной, разветвлённой семье, где у каждого было своё мнение и каждый готов был прийти на помощь, Настя впервые увидела ту самую сплочённость, о которой всегда тосковала в тишине их с Ольгой квартиры.

Вскоре Кирилл представил её всем официально – на шумном праздновании дня рождения бабули Антонины. Дом гудел, как растревоженный улей, наполненный звоном бокалов, взрывами смеха и радостными возгласами. Длинный стол прогибался под тяжестью домашних яств, а атмосфера была настолько плотной и искренней, что её можно было потрогать. Дети

и внуки, поздравляя именинницу, разыгрывали целые представления, перевоплощаясь в сказочных персонажей, и их заразительный смех разносился по всем комнатам.

В самый разгар веселья к Насте, сидевшей немного в стороне, подошла Лидия Васильевна. Она двигалась легко, словно парила над полом, а её лицо светилось такой безудержной радостью, что Настя невольно улыбнулась в ответ.

– Настенька! Какое же счастье, что ты здесь! – произнесла будущая свекровь, и её голос, тёплый и бархатный, звучал как материнское обнимание. – Я так мечтала увидеть девушку, ради которой мой сын... – она сделала многозначительную паузу, – изменился. Даже в магазин к нему навевалась – надеялась тебя застать, да всё не получалось. И вот, наконец-то!

– Спасибо, Лидия Васильевна, – Настя почувствовала, как по её щекам разливается тёплый румянец. – Мне очень приятно.

– Это просто чудесно, – твёрдо кивнула та, и в её взгляде читалось безмерное одобрение. – Тышла к нему тот самый ключик. Как тебе это удалось?

– Не знаю, – растерянно развела руками Настя. – Может, это сама судьба? А может... любовь.

– Я вижу, как он преобразился рядом с тобой, – голос Лидии Васильевны дрогнул, и она на мгновение прикрыла глаза, словно сдерживая нахлынувшие чувства. – Если бы ты знала, как радуется моё материнское сердце! Я так ждала, что он встретит того, кто вернёт ему веру.

– Я тоже верю в наше будущее, – тихо, но уверенно ответила Настя, и в ту же секунду почувствовала, как между ними протянулась тонкая, но невероятно прочная нить понимания. – У вас такая... удивительная семья. Большая. Настоящая.

– О, да, – рассмеялась Лидия Васильевна, и её взгляд, тёплый и мягкий, скользнул по шумящей гостиной, где её родные смеялись, спорили и обнимались. – Наш главный принцип – поддержка и единство. Один за всех и все за одного! – она произнесла это просто и уверенно, как аксиому, не требующую доказательств.

– Это действительно важно, – тихо согласилась Настя, и её собственные слова показались ей вдруг слишком тихими и бледными на фоне этой кипящей жизни.

– А теперь пойдём танцевать! – воскликнула свекровь, и её пальцы, тёплые и цепкие, уверенно обхватили Настино запястье, увлекая за собой. – Нужно, чтобы ты почувствовала себя частью нашей большой семьи не на словах, а на деле!

– С удовольствием! – ответила Настя, и её голос наконец обрёл силу.

Она позволила увлечь себя в водоворот музыки и смеха, и с каждой минутой ощущала, как какая-то невидимая стена внутри неё тает под напором этого всеобщего тепла. Лидия Васильевна излучала такое искреннее радушие, что Настя на мгновение закрыла глаза, позволив себе просто чувствовать – себя частью этого целого, этого шумного, дышащего единым дыханием организма под названием «семья».

Последующие полгода Кирилл держался. Но Настя замечала мелочи: как нервно он постукивал пальцами по столу, заслышав звон бокалов, как его взгляд становился чуть более рассеянный на семейных застольях, где все пили вино. С каждым днём напряжение в нём нарастало, будто туго закрученная пружина.

В это же время здоровье отца Насти неумолимо угасало. Он уже не вставал с постели, а его некогда крепкие руки стали похожи на хрупкие прутики. Ранним утром 25 апреля 1997 года, когда первые бледные лучи солнца только начали золотить край неба, его дыхание внезапно изменилось. Оно стало тяжёлым, прерывистым, словно старый мех портного, с трудом нагнетающий воздух.

Настя проснулась от тревожного толчка где-то внутри. Она вскочила, сварила ему его любимую манную кашу, осторожно поднесла ложку к губам. Он сделал два крошечных глотка, слабо улыбнулся – всего лишь мимолётная тень былой улыбки – и прошептал, что сыт.

– Папа, тебе плохо? – Настин голос прозвучал тонко и испуганно, будто не её. – Что-то болит?

– Нет, доченька, просто наелся, – ответил он, и в его потухших глазах плавала лишь одна эмоция – бесконечная, всепоглощающая усталость.

– Хочешь поспать ещё? Или включить тебе телевизор?

– Хочу поспать, – его шёпот едва различимо зашелестел в утренней тишине и растаял.

Настя прилегла рядом с Кириллом, и тяжёлый, беспокойный сон почти сразу накрыл её. Но сквозь эту дрему её пронзило острое, леденящее ощущение – она не слышала привычного, шумного, затруднённого дыхания отца. В комнате стояла звенящая, неестественная тишина.

– Кирилл, – она толкнула его плечо, и её пальцы были ледяными. – Папа... Мне кажется, он не дышит. Посмотри, пожалуйста.

Кирилл поднялся, подошёл к кровати и наклонился. Замер на несколько секунд. Потом медленно выпрямился. В его спине, в том, как он застыл, Настя без слов прочитала всё.

– Как же так? – её голос сорвался на крик, тонкий и не свойственный. – Я только что с ним говорила! Я всего на секунду забылась!

Слёзы хлынули сами, горячие и солёные, заливая лицо. Кирилл молча обнял её, прижал к своей груди, грубо и сильно, пытаясь своим теплом, своим дыханием хоть как-то сдержать её трясущееся тело.

– Надо сообщить Ольге, – наконец выдохнула она, чуть отстранившись и с силой вытирая ладонью щёки.

– Да, конечно, – голос Кирилла был хриплым. – Но сначала нужно вызвать скорую. Нельзя же его оставлять здесь, пока мы поедем к твоей сестре.

– Да, разумеется, – она кивнула, движения её были резкими, механическими. – Я пойду к соседям. У них есть телефон.

Собрав последние силы в комок, Настя вышла из дома. Утро было холодным и туманным, и этот туман стоял не только на улице – он заполнял её изнутри, делая движения медленными и тягучими, словно она плыла сквозь густую, непроглядную пелену.

После того как тело отца увезли, они молча поехали к Ольге. Та открыла дверь – и сразу, с первого взгляда, поняла всё. Её лицо, обычно такое собранное и строгое, вдруг обмякло.

– Папа? – выдохнула она, прикрывая ладонями глаза, но слёзы уже текли сквозь пальцы, оставляя мокрые дорожки на её щеках.

– Как ты узнала? – почти хором выдохнули Настя и Кирилл.

– Я его сегодня во сне видела, – голос Ольги дрожал, как натянутая струна. – Он лежал на каком-то столе, белом, белом... и я спросила, не плохо ли ему. А он ответил: «Нет, доченька, не переживай, мне хорошо», – и улыбнулся. Проснувшись, я подумала: если вы приедете сегодня до обеда... значит, папы больше нет.

– Наверное, он захотел с тобой попрощаться, – тихо сказала Настя, и слёзы снова подступили комом к горлу, горячие и безжалостные. – Ты ведь всегда была его любимицей.

Похороны прошли достойно, со всеми почестями – эту тяжёлую ношу Кирилл взял на себя полностью. На поминках в тесном кафе воздух был густым и тяжёлым, словно пропитанным тоской. Тишина изредка прерывалась звоном ложек и приглушёнными вздохами. Настя стояла рядом с Ольгой; та обхватила себя руками так крепко, будто пыталась удержаться от распада, согреться в ледяном ветре утраты.

Ольга и Леночка души не чаяли в Кирилле. Не зная о его давней, дремавшей страсти, сестра не придавала значения той единственной рюмке, которую он осушил за упокой души. Но Настю пронзила острая, колючая тревога, холодная, как лезвие ножа. Она попыталась поделиться опасениями с сестрой, но та лишь отмахнулась.

– Настя, не переживай. Ну, выпил немного. Он же не запойный, раз в год можно.

Настя взглянула на неё, и сердце её сжалось от щемящего, неясного предчувствия.

– Оля, ты не понимаешь, – прошептала она, боясь громкими словами накликать беду. – Ему нельзя. Ни капли. Это как спичка у бензина – одна, и всё вспыхнет.

– Да он же не напивается до беспамятства. Помянул, как все. Мы же тоже выпили!

– С этого «немного» всегда и начинается! – голос Насти сорвался на повышенный шёпот. – Рюмка тянет за собой другую, и вот уже понеслось... Он не сможет остановиться!

– Мне кажется, ты сгущаешь краски, Настя! – всё ещё пыталась она успокоить её, положив руку ей на плечо. – Я Кирилла знаю как ответственного. Посмотри, как он всё организовал.

– Я понимаю, но... – Настя замолчала, подбирая слова, которые могли бы передать весь ужас, подползающий к её душе. – У Кирилла были проблемы. Серьёзные. Я боюсь, что эта одна рюмка... это начало конца.

– Ты знаешь моё отношение к пьяницам, – голос Ольги стал твёрже, – но сейчас я не вижу причин для паники. Не ругайся, Настя! Не надо ссориться сегодня. Ради папы.

Но Настя уже ничего не слышала. Она смотрела через всё пространство на Кирилла, который разливал чай гостям. Его рука была устойчивой, взгляд ясным. И от этого спокойствия, от этой видимой нормальности ей стало ещё страшнее. Она знала – тишина перед бурей всегда обманчива.

Настя стиснула зубы до боли, чувствуя, как отчаяние поднимается комом в горле, горьким и безжалостным.

– Я не хочу, чтобы эта рюмка стала первой ступенькой в бездну, – выдохнула она, и каждое слово давалось с усилием. – Всё гораздо глубже, чем кажется. Гораздо.

Поминки отгремели, оставив после себя гулкую, вязкую пустоту. Сёстры молча сидели в тишине опустевшей квартиры, и непроглядная грусть оседала на душу тяжёлым, удушающим пеплом.

– Как ты? – тихо спросила Настя, наблюдая, как тень скорби лежит на лице сестры тёмным, несмываемым пятном.

– Не знаю, – Ольга отвернулась к окну, за которым медленно гасли сумерки. – Так тяжело...

После похорон они остались у Ольги, инстинктивно ища спасения в близости друг друга, пытаясь противостоять отчаянию, которое, подобно ядовитому плющу, уже обвивало их сердца своими цепкими побегими. Кирилл, на удивление, поддержал это решение.

Сначала он был похож на верного пажа – окружал их тихой, ненавязчивой заботой, приносил чай, поправлял плед на плечах Насти. Но вскоре Настя начала замечать изменения. Его походка стала нетвёрдой, шаткой, словно он двигался по палубе корабля в сильную качку, потеряв точку опоры.

– Кирилл, что с тобой? – спросила она однажды, увидев, как он входит в комнату с натянутой, неестественной улыбкой. Его глаза блестели неестественным, мутным блеском – в них плясали не искорки веселья, а отблески какого-то тёмного, хмельного безумия.

– О, всё чудесно! – воскликнул он слишком громко, запрокидывая голову. Его смех прозвучал резко и фальшиво, сорвавшись на хрип. – Жизнь продолжается! Нужно жить дальше!

Кирилл начал пропадать. Исчезал с первыми лучами солнца и возвращался затемно, пахнувший чужими домами, табачным дымом и чем-то ещё, горьким и тошнотворным. Оправдывался срочными делами, бросал на ходу ничего не значащие обещания, что «всё непременно наладится».

– Ты снова пил? – тихо спросила Настя однажды, когда он, едва переступая порог, попытался обнять её. Его тело было ватным и неуправляемым.

– Да брось ты, не бери в голову! – пробормотал он, и его речь была густой, заплетающейся, выдвинутой сквозь зубы с натужной беззаботностью, которая не могла скрыть правды.

Светлые проблески того человека, в которого она поверила, всё чаще меркли, поглощаемые тенью старой, казалось бы, поверженной зависимости. Она поднимала голову, как мифи-

ческий змей, и её липкая паутина вновь опутывала его душу. Его отлучки становились всё длиннее, и с каждым его возвращением Настя цеплялась за хрупкую, почти безумную надежду, что с рассветом этот кошмар рассеется, как дым.

– Где ты был целый день? – в её голосе звучала усталая, почти безжизненная упрёчность. Она впиалась взглядом в его покрасневшие, воспалённые глаза. – Ты же знаешь, как я жду тебя. Нам пора строить будущее, готовиться к рождению ребёнка.

– Всё под контролем! – он мотнул головой, и слова его сползали, путались, как развязавшиеся шнурки. – Я... я ездил по делам. Мы с парнями немного посидели, помянули тестя...

– Пожалуйста, остановись, – её голос сорвался на шёпот, в нём слышалась мольба. – Пока эта трясина не засосала тебя окончательно.

– Да это всего лишь бутылка пива, чтобы снять напряжение! – он повторил это, как заученную мантру, уставшим, ничего не выражающим тоном человека, который уже и сам не верит в то, что говорит.

Каждый вечер Настя ловила себя на том, что всматривается в темноту за окном, пытаюсь разглядеть в ней хоть проблеск того самого, прежнего Кирилла. Хрупкая надежда, что он вот-вот остановится, теплилась в ней, как последняя свеча в тёмной комнате. Но с каждым новым днём её задувало ледяным ветром реальности. Ужас нарастал, медленный и неумолимый, скрывая её изнутри ледяной хваткой. Она чувствовала, как почва уходит из-под ног, а он всё глубже и глубже погружается в тёмную воду, увлекая её за собой.

Именно в тот момент, когда её собственный мир трещал по швам, словно картонный домик под порывом штормового ветра, опора пришла оттуда, откуда она не ждала. Близкие Кирилла – его мать, Лидия Васильевна, и бабушка, Антонина Леонтьевна, – стали для неё тихой гаванью в этом внезапно разбушевавшемся море.

– Мы с тобой, – сказала как-то свекровь, её тёплая, уверенная рука легла на Настино плечо, тяжёлая, но ободряющая. В этих простых словах не было пафоса, лишь тихая, нестигаемая уверенность. – Ты не одна. Мы вместе справимся.

– И мы не допустим, чтобы Кирюха снова сорвался в эту пропасть, – твёрдо добавила Антонина Леонтьевна. Её стальные глаза, видевшие на своём веку всякое, смотрели прямо и ясно, выражая решимость, выкованную годами испытаний. – Он должен понять, что у него есть якорь. Семья. Вы.

Их борьба с зелёным змием напоминала попытку затушить пожар чайными ложками. Алкогольная стихия была сильнее. Но их неустанная забота, это искреннее, ежедневное участие в её судьбе, стали для Насти тем спасательным кругом, который не давал ей утонуть в отчаянии. Их поддержка была не громкой, но постоянной – тёплый обед, принесённый Лидией Васильевной, мудрая, вовремя рассказанная бабушкой история, простое «как ты?», произнесённое с настоящей заботой.

И именно эта тихая сила дала Насте решимость. Она собрала в кулак всю свою волю, всю свою боль и страх. Собравшись с духом, она дала себе слово – она вырвет его. Во что бы то ни стало. Теперь он был не просто Кирилл, а отец её будущего ребёнка. Их общая надежда. Их хрупкий, но единственный оплот.

Однажды, глядя в окно на унылый ноябрьский пейзаж, она твёрдо произнесла, будто давая клятву не себе, а всему миру:

– Я должна найти силы. Теперь это мой муж. А скоро у нас будет малыш. Это моя семья, и я сделаю её крепкой. Настоящей. Счастливой. Ради нашего будущего.

В её голосе не было и тени сомнения. Была только сталь, закалённая в огне страха и отчаяния, и нерушимая решимость бороться до конца.

ЧАСТЬ 2
Мозаика из осколков

Глава 1

Когда Настя оглядывалась назад, на начало их семейной жизни, ей казалось, что они играли в каком-то странном, абсурдном спектакле. Она – старалась изо всех сил быть той самой опорой, спокойной и уверенной героиней из своих же грёз. А он – словно пародийный персонаж из дешёвой комедии, весёлый и беззаботный, отчаянно пытающийся рассмешить публику, пока за кулисами рушится его настоящая жизнь.

– Знаешь, Насть, – голос Кирилла прозвучал приглушённо, пробиваясь сквозь мерцающий гул телевизора, – у нас непременно всё наладится. Он откинулся на продавленный диван, и пляшущие синие тени застыли на его лице. – Вот увидишь, я выкарабкаюсь, и мы заживём как короли, ведь не даром наша фамилия Царёвы.

На его губах играла беспечная, кривая ухмылка, пока его пальцы привычным движением обхватывали очередную бутылку пива. Он отпивал большими глотками, словно пытаюсь утолить нестерпимую внутреннюю жажду, и будто нарочно не видел, что именно эта янтарная жидкость – та стена, что отделяет его от того самого «светлого будущего».

Настя сидела рядом, вяло кивая, но внутри её сжимал холодный ком. Предчувствие беды, острое и тошнотворное, поднималось по горлу.

– Ты уверен, что так и будет? – её собственный голос прозвучал неестественно ровно, она изо всех сил старалась скрыть дрожь. – По-моему, у тебя грандиозных планов больше, чем хоть каких-то действий.

– Ну что ты понимаешь? – он отмахнулся, и в его жесте сквозила раздражающая снисходительность. – Нужно просто немного времени, вот и всё. Пиво помогает мне сосредоточиться, расслабиться, а потом я горы сверну.

– Пойми, я не против, чтобы ты иногда выпивал, – она говорила медленно, подбирая слова, как сапёр мину, чувствуя, как хрупкое перемирие между ними вот-вот рухнет. – Но как нормальные люди. Без запоев и недельных загулов. Ты же не умеешь останавливаться. Тебе обязательно нужно продолжение. Пиво для тебя – не финиш, а старт.

– Ну да, бывает, что и покрепче надо. Я же говорил, что так дела делаются.

– Какие дела?! – её терпение лопнуло, и голос сорвался на крик, горячий и резкий. – Так дела только рушатся!

Она вглядывалась в его лицо, словно в затуманенное зеркало. Улыбка ещё держалась на его губах, натянутая и неестественная, но за ней уже проступала пугающая, знакомая пустота. Воздух в комнате накалился, стал густым и тяжёлым, как перед грозой.

– Ну вот смотри, – он попытался сменить тему, его речь стала чуть более скорой, заплетающейся, – сейчас Жека приедет. У нас с ним есть одна гениальная идея, и мы поедem на переговоры. А переговоры, сама понимаешь, на сухую не делаются, поэтому сегодня немного выпью.

– Ах, конечно! – в её голосе зазвенела горькая ирония. – Замечательный двоюродный братец, как без него. У него же, наверное, семь пядей во лбу, он просто кладёз бизнес-идей. Только почему-то ни одна из них пока не реализовалась. Наверное, потому что все переговоры проходят за обильным столом?

– Что ты имеешь против моего брата?! – он резко повернулся к ней, и в его глазах вспыхнул огонёк настоящего, неподдельного гнева. – Мы выросли вместе, я ему доверяю. У него связи, а большие дела быстро не делаются!

– Я не имею ничего против твоего брата, – голос Насти звучал ровно, но в нём слышалось напряжение натянутой струны, – но не нужно кормить меня сказками про деловые встречи! Я не ребёнок.

– Да ладно тебе, не будь занудой, – он резко оборвал её, отводя взгляд. – Нужно же как-то деньги зарабатывать!

– А магазин? – она не сдавалась, чувствуя, как тревога сжимает горло. – Ты совсем его забросил! Полки пустые, покупатели разбегаются.

– Там Толян занимается, – отмахнулся Кирилл, делая очередной глоток пива. – У меня сейчас другие, более грандиозные планы.

– У Толяна ещё есть основная работа, кроме магазина, – Настя не отступала, её пальцы бессознательно сжались в кулаки. – Поэтому не думаю, что он сильно им увлечён. Магазин – это твоё! Ты его создавал!

Он закатил глаза с преувеличенным раздражением и уставился в мерцающий экран телевизора, где бессмысленно сменяли друг друга нереальные миры. Настя продолжала молча наблюдать за ним, и с каждой минутой внутри неё нарастала тяжёлая, давящая тревога. Она ощущала её физически – будто в груди перекатывались холодные, гладкие стеклянные шарики, готовые в любой момент сорваться в бездонную пропасть.

Она жила одной лишь надеждой, что однажды он очнётся и увидит не искрящийся огнями бар, а суровую реальность, полную забот и ответственности. Ночами, лёжа в постели и слушая его тяжёлое, пьяное дыхание, она маниакально считала трещины на потолке, как звёзды на небе, и в сотый раз прокручивала в голове его хмельные, громкие клятвы. Он говорил о совместной жизни, о том, каким замечательным отцом будет для их малыша. Но стоило ему осушить очередную бутылку, и все эти хрупкие, воздушные замки рассыпались в прах, оставляя во рту лишь горькое, тошнотворное послевкусие.

– Понимаешь, Настя, я просто хочу немного расслабиться! – беспечно восклицал он, когда она снова пыталась завести разговор о их тонущем магазинчике. Это была его универсальная формула отдыха – залить тоску водкой и забыться.

У неё уже не оставалось ни слов, ни сил. Бесконечная ложь, длительные загулы, двоюродные братья-соблазнительники, бездонная пропасть его алкоголизма – всё это отдаляло её от человека, который даже за свои собственные слова не отвечал.

Денежные проблемы сгущались над ними, как низкие, свинцовые грозовые тучи. Когда она, собрав последние остатки воли, пыталась поставить условия и срывающимся голосом упоминала о разводе, он лишь заливался громким, неестественным хохотом.

– Развод? Да ты меня уморила! – Он хохотал, словно услышал самый смешной анекдот в своей жизни. Ей до боли хотелось, чтобы он хоть раз взглянул в её глаза в такие моменты – увидел бы их отчаяние, усталость, беспомощность. Но он лишь отворачивался, продолжая смеяться, пока она, обессиленная, оседала на стул, пытаясь пересчитать жалкие крохи, оставшиеся от их былой жизни.

Крохи... Да, их жизнь напоминала объединенный пирог, с которого его «друзья» и «братья» давно стянули все сладкие, сливочные розочки, оставив ей одну лишь горькую, пропитанную слезами начинку. Но даже тогда, в самые тёмные моменты, она цеплялась за его пьяные обещания стать отцом, за эту призрачную иллюзию, которая упрямо не желала становиться реальностью.

Настал час УЗИ. Ноги Насти были ватными, а сердце колотилось так громко, что, казалось, заглушало гомон больничного коридора. Воздух был густым и тяжёлым, пахло антисептиком и чьей-то робкой надеждой, смешанной со страхом. В этом хаотичном водовороте звуков – обрывках фраз из-за тонких стен, шагах по линолеуму, тихом плаче из-за угла – она поймала себя на мысли, что затаила дыхание. Будто от этого зависело всё.

И вот, холодный датчик скользнул по коже, а на экране возникло чудо. Чёрно-белое, размытое, но самое прекрасное. «У вас будет сын», – прозвучал голос врача, и эти слова пробили брешь в ледяной стене страха, заливая её душу тёплым, золотистым светом. Внутри что-то ёкнуло и расправилось, как бутон под первым весенним солнцем. Она уже видела его: крошечные пальчики, доверчиво сжатые в кулачки, и глаза – бездонные, чистые озёра, в которых

тонуло всё её прошлое. Жизнь переворачивалась, обещая стать ослепительной и наполненной до краёв.

Голос Насти дрожал, как первый лист на ветру, когда она вышла к Кириллу. Вихрь волнения кружился внутри, вырываясь наружу лёгкой дрожью в руках.

– Знаешь, у нас будет сын... Ты так мечтал о дочке, а у нас сын.

Тень мимолётной задумчивости скользнула по его лицу, но тут же растаяла, смытая широкой, по-настоящему счастливой улыбкой.

– Ну и чудно! Значит, будет сын! – он выдохнул это слово с такой лёгкостью и нежностью, будто это была не констатация факта, а самая главная клятва. – Он будет самым лучшим отцом на свете!

И вот, спустя долгих четыре месяца, забрезжил рассвет их долгожданного чуда. Август 1997-го... Обессиленная, с сознанием, расплывшимся в тумане боли, Настя лежала в предродовой. Яркий свет лампы резал глаза, но казался почему-то мягким, как утренний свет сквозь облака.

– Сколько ещё ждать? – её шёпот был едва слышен над монотонным писком мониторов.

– Совсем немного, потерпи, – акушерка улыбнулась, и в её глазах Настя увидела искру поддержки, маленький якорь в нарастающей буре своего страха.

Дверь открылась, и в операционную впорхнула Ольга. Её звонкий голос, как солнечный луч, пронзил сгущающуюся тьму.

– Ну что, готова к великому событию? – она крепко сжала Настину руку, и её ладонь была тёплой и реальной.

– У меня почти не осталось сил... – призналась Настя, и голос её сорвался на надтреснутый шёпот.

Врач, молча проводивший осмотр, отстранился. Его лицо было невозмутимым.

– Шейка не раскрывается. Ждите ещё немного, – прозвучало сухое, отстранённое заключение.

Спустя несколько томительных минут, показавшихся вечностью, он провёл ещё один осмотр. В его глазах, холодных и профессиональных, мелькнула твёрдая решимость.

– Будем выдавливать.

В мгновение ока пространство вокруг Насти сжалось, образовав плотную, дышащую стену из белых халатов. Воздух наполнился короткими, чёткими командами врача.

– Тужимся! Давай! Ещё!

Со спины её поддерживали твёрдые руки Ольги и ещё одной акушерки, их голоса, подбадривающие и указывающие, казались далёкими, пропущенными сквозь толщу адской боли.

И вот, после долгих десяти часов, отданных этой мучительной борьбе, он явился миру. Его первый крик прорезал воздух – чистый, пронзительный, самый главный звук на свете.

– Поздравляем, мамочка! Богатырь! три килограмма четыреста пятьдесят грамм! Сорок восемь сантиметров! – Голос Ольги звенел счастливыми слезами. Она сияла, вытирая пот со лба сестры. – Ну вот, ты и стала мамой!

Волна нежности, острая и всепоглощающая, захлестнула Настю, когда тёплое, влажное тельце сына положили ей на грудь. Его кожа пахла жизнью.

– Здравствуй, мой мальчик, – выдохнула она, едва касаясь кончиками пальцев его крошечной, идеальной ладони. От него исходило тепло, согревающее глубже, чем любое одеяло.

Сестра, проводившая Кирилла в род-зал сразу после родов, стояла рядом. Он крепко сжимал Настину руку, и в его широко раскрытых глазах светилась такая любовь и благодарность, что на миг ей показалось – всё прежнее вернётся. Но идиллия длилась мгновение. Резкое движение врача, тревожный взгляд акушерки – и атмосфера в операционной сменилась с ликующей на срочную, металлическую.

Открылось кровотечение. Вокруг засуетились, голоса стали резче, аппаратура загудела. Её стремительно готовили к операции.

– Не переживай, всё будет хорошо! – крикнул ей Кирилл вслед, и его голос прозвучал испуганно и надтреснуто, когда он спешно выходил из род-зала. Это был единственный раз, когда она видела его в роддоме.

Дальше рождение сына превратилось для её мужа в бесконечный, шумный праздник. Неделя слилась в череду застолий с друзьями, где алкоголь лился рекой, а каждый тост под хмельной гвалт был «за пяточки» новорожденного. Настя старалась не думать, не расстраиваться, полностью погрузившись в новый, трепетный мир – в заботу о своём маленьком чуде, в его запах, в его тихое посапывание.

Наконец, день выписки. Он обрушился на неё шквалом противоречивых чувств – трепетного ожидания и холодной, подползающей тревоги.

«Смогу ли я?» – прошептала она, застёгивая на себе пуговицы сарафана и ожидая когда медсестра вынесет их новорожденного сына – «Приедет ли он? Не затмило ли ликование всё остальное?»

Сердце колотилось в груди, отбивая торопливый, неровный ритм – барабанную дробь перед самым важным представлением в её жизни.

Когда она наконец вышла на улицу, держа на руках свёрток, облегчение волной окатило её, смывая часть тяжёлого груза страха. Воздух пах свободой и... надеждой.

– Слава Богу, Кирилл! – она выдохнула, увидев его у крыльца. Он стоял с огромным, роскошным букетом, и в его глазах плескался такой неприкрытый восторг, будто он ждал не просто жену с сыном, а явление самого чуда.

– Привет, любимая, дай же мне его! – произнёс он с трепетом, и его протянутые руки, его сияющий взгляд в тот миг говорили об одном – о любви, способной на всё. – Не могу дождаться, когда увижу нашего малыша!

Рядом с ним, как два верных стража, стояли свекровь и сестра Ольга. Их фигуры, освещённые заботой, казались незыблемыми опорами в этом новом, трепетном мире.

– Поздравляем, – произнесла свекровь, и её лицо, обычно строгое, сейчас сияло такой искренней, безудержной радостью, что на него было невозможно смотреть без улыбки. – Это поистине чудесный день!

– Не могу поверить, – прошептала Настя, чувствуя, как подкатывает ком к горлу, а волна щемящей нежности снова накрывает с головой. Она прижала к груди тёплый свёрток. – Вот он, наш сын... Вот он, наш новый мир... Это невероятно!

– Это только начало, – мягко добавила Ольга, и в её глазах, уставших, но счастливых, читалась целая история сестринской любви и поддержки. – Ты будешь держать его на руках, видеть, как он растёт, учить его всему...

– Будет непросто, я знаю, – призналась Настя, ощущая под рёбрами знакомый укол тревоги, тут же растворявшийся в море безмерного счастья. – Но мне не страшно... потому что у меня есть он... и ты, Кирилл...

Солнечный свет в тот миг казался особенным – тёплым, жидким, золотым. Он обнимал их маленькую группу, омывая душу Насти давно забытым чувством лёгкости и защищённости. Даже бутоны роз в букете Кирилла, казалось, распускались на глазах, наполняя воздух густым, пьянящим ароматом и создавая вокруг них невидимый кокон волшебства.

– Вот он, этот долгожданный день, – произнесла она тихо, обводя взглядом самые дорогие лица. – Моя семья.

И в это мгновение все страхи и сомнения, терзавшие её ещё вчера, развеялись, как утренний туман под напором солнца. Их место заняла новая, кристально чистая уверенность и всепоглощающая нежность.

«Я не отступлю, – пронеслось в её голове твёрдое, стальное решение. – Никогда не отступлю. У меня будет самая крепкая и счастливая семья.»

Когда Кирилл усаживался в машину, Настя краем глаза заметила его красные, воспалённые веки и едва уловимую дрожь в пальцах, перебиравших край детского конверта. Он держал малыша с невероятной, почти священной осторожностью, будто это было хрустальное сокровище, а не живой ребёнок. Его большие руки, привыкшие к грубой работе, сейчас казались нежными и неуверенными. Склонившись к крошечному личику, он что-то беззвучно шептал, и в его глазах читалась такая трепетная нежность, что у Насти снова ёкнуло сердце.

Дома их ждала не просто чистота, а сияющий, пахнущий свежестью порядок. Квартира блестела, каждая поверхность была выдраена до зеркального блеска. На столике у кровати аккуратно были разложены крошечные распашонки, сложенные с трогательной старательностью. Он, словно решившись начать всё с чистого листа, вложил в эту уборку всю свою надежду. Кирилл держался молодцом, шутил, но глубокие тени под его глазами кричали о бессонных ночах, проведённых в хмельном угаре.

Месяц миновал с тех пор, как в их доме поселилось это тихое, сопящее счастье. И однажды вечером, когда малыш наконец уснул, Кирилл, собрав волю в кулак, заговорил.

– Знаешь, – начал он, задумчиво проводя пальцами по щетине на подбородке, – порой кажется, что я всё ещё чувствую пальцами податливый мех. – В его голосе звучала лёгкая ностальгия. – Помню, какие шедевры у меня выходили из сурка!

Настя сидела рядом в кресле, укутавшись в плед, и смотрела на него, стараясь ловить каждое слово, каждую эмоцию, излучая тихую, поддерживающую энергию.

– Это было словно в другой жизни, – ответила она с мягкой, ободряющей улыбкой. – Но мастерство-то не пропьёшь. Талант никуда не делся. Он просто ждёт своего часа.

Кирилл глубоко вздохнул, и в глубине его глаз, обычно подёрнутых дымкой усталости, на мгновение вспыхнул и ожил слабый огонёк того самого, прежнего азарта.

– Да, но времена нынче другие, – произнёс он, и его пальцы бессознательно сжались в кулак, точно уже держали невидимую добычу. – «Нужен размах!» – он бросил это в воздух, словно ловил ускользающие идеи, витающие вокруг.

Настя молча приподняла бровь, в её позе читался скептицизм, смешанный с любопытством.

– И какой же?

– Шапки! – воскликнул он, и его голос зазвенел внезапно вернувшейся уверенностью. – В Ярославле их расхватывают, как горячие пирожки на ярмарке! Чутьё подсказывает, что, продав всего одну шапку на рынке, я смогу развернуть целую лавку!

– Но ты же помнишь... – начала она осторожно, но он резко перебил её, отмахиваясь рукой, как от назойливой мухи.

– Я знаю цену риску, – заявил он, и в его жесте была театральная торжественность. – Кто не рискует, тот не пьёт шампанского! Так ведь говорят?

В Насте трепетно запорхала та самая бабочка надежды, особенно когда она увидела, как он, немного неуклюже, будто медведь, берущий в лапы хрупкий цветок, прижимает к своей широкой груди крошечный свёрток с сыном.

– Когда я смотрю на него, понимаю, что всё это не зря, – проговорил он тихо, почти шёпотом, и его голос внезапно охрип от нахлынувших чувств. – Он заслуживает лучшего.

– Я верю в тебя, Кирилл, – ответила Настя, и её пальцы сами потянулись погладить его напряжённую руку. – Но давай подойдём к этому с холодной головой. Нужно всё тщательно взвесить.

Кирилл кивнул, и его взгляд стал неожиданно серьёзным и сосредоточенным, каким она не видела его уже много месяцев.

– У меня уже есть компаньон, – выпалил он. – Андрей. Тот ещё сорвиголова, как и я. Риска совсем не боится.

– Андрей? – в голосе Насти прозвучала лёгкая тревога. – Я не уверена, что это лучший выбор...

– Мы возьмём партию шапок под реализацию! – перебил он её, его глаза горели. – Этот бизнес у меня в крови, в руках! Мне просто необходимо попробовать!

– А что, если не получится? – её вопрос повис в воздухе, тихий и осторожный.

– Не получится? – Кирилл усмехнулся, и в его улыбке была дерзкая, почти мальчишеская бравада. – Сейчас такое время, что не рискнуть – значит, прожить зря!

– Хорошо, – сдалась она, нежно касаясь пальцами щеки спящего Макара. – Но не забывай о нём.

– Никогда! – он посмотрел на неё прямо, и в его взгляде читалась редкая в последнее время искренность. – Это всё для него, понимаешь? Всё будет хорошо, я знаю эту кухню, у нас всё получится!

Она видела, как его воодушевление разгорается, сжигая пепел последних сомнений, и в её собственной душе робко, но упрямо затеплилась надежда. Может, эта безумная авантюра и правда станет тем самым поворотом?

– Тогда вперёд, – сказала она, и в воздухе, пахнущем детской присыпкой и пылью, вдруг запахло ветром и пьянящим духом приключений.

Собравшись в едином порыве и купив билеты на поезд, Кирилл с Андреем, как два внезапно подувших ветра, ворвались в Ярославль, окрылённые самыми радужными мечтами. Они сняли скромную квартирку в двух шагах от пёстрого, шумного рынка. Пусть не хоромы, зато какое расположение! Казалось, удача уже стучится в их дверь.

– Через месяц вернёмся триумфаторами! С деньгами и с наполеоновскими планами! – гремел Андрей, поднимая стакан мутного самогона. В его глазах, как и в глазах Кирилла, плясали отражения авантюрного огня, зажжённого первой, лёгкой прибылью.

Настя ждала мужа, как чуда. Она закрывала глаза и представляла его возвращение: он на пороге, увешанный свёртками, а маленький Макар тонет в пёстром море новых, ярких игрушек. Возможно, они даже смогут накопить на свою квартиру, где стены будут пахнуть не чужими жизнями, а их собственным, настоящим домом.

Но судьба, эта вечная насмешница, уже плела свою злую интригу. Шальные, легко доставшиеся деньги упорхнули из их рук, как осенние листья, унесённые вихрем хмельного угара. Слеплённые первым успехом, они решили отметить удачу с размахом, достойным королей. Праздник длился до рассвета – песни лились рекой, пляски сменялись громкими тостами за золотые горы, которые вот-вот посыплются к их ногам.

Наутро похмелье обрушилось на Кирилла не просто головной болью, а свинцовой плитой стыда и опустошения. Шатаясь, он добрался до ванной, надеясь смыть с лица печать вчерашнего разгула. Его пальцы на ощупь нашли старенький, ржавый водонагреватель. Он щёлкнул выключателем, забыв, что трубы пусты и воды внутри нет. Раздался оглушительный, разрывающий барабанные перепонки *БАБАХ!* Титан взорвался, как бомба замедленного действия, превратив маленькую ванную в дымящиеся руины. Стены зияли рваными ранами, потолок осыпался штукатуркой, похожей на пепел их сгоревших надежд. Соседям снизу тоже досталось – их аккуратный потолок теперь напоминал изрытый кратерами лунный пейзаж.

О возвращении домой с триумфом не могло быть и речи. Три долгих, унижительных месяца ушли на восстановление чужого жилья, на мучительную выплату долгов, на извинения, которые жгли горло, как отравы.

Настя пребывала в счастливом неведении, словно бабочка в коконе собственных надежд. Недели тянулись медленно, а он исправно присылал денежные переводы. Телеграммы сыпались бодрыми, полными энтузиазма фразами: «Всё идёт по плану!», «Скоро вернусь героем!».

И вот, наконец, он переступил порог дома и, не мешкая, встал на колени, протянув Насте коробочку, в которой красовалось обручальное кольцо.

– Настя, – произнёс он с трепетом в голосе, – ты сделала меня самым счастливым человеком.

Настя замерла, глядя на него удивлёнными глазами, усеянными слезами радости.

– Ты делаешь мне предложение?! – произнесла она, прижав руки к груди.

– Да! Думаю пора нам официально оформить наши отношения.

– Но ты ведь официально ещё не разведён!

– Ну за этим дело не встанет!

Затем он осыпал Макара подарками: красивый зимний комбинезон, гора памперсов, море игрушек... Но вместе с ними он принёс скромную пачку денег и горькую правду, чёрную, как воронье крыло.

– У меня не очень хорошие новости, – произнёс он, и в его голосе плескалась виноватая тревога, словно он похитил не счастье, а его хрупкую подделку. Настя обняла его, натянуто улыбаясь, но тень, скользнувшая по его осунувшемуся, серому лицу, заставила её кровь похолодеть. Сердце заколотилось с бешеной частотой, будто птица, отчаянно бьющаяся о прутья клетки.

– Кирилл, что случилось? – её голос прозвучал резко, сорвавшись на высокой ноте. Он не смотрел на неё, его взгляд бегал по полу, выискивая спасения в узорах старого линолеума. Ледяная рука страха сжала её внутренности, колени предательски задрожали, а дыхание стало рваным и поверхностным, как у загнанного зверя. Она уже знала. Ещё не слышала слов, но уже знала – чудо не случилось.

Он сделал глубокий, шумный вдох, будто собираясь с силами, чтобы поднять неподъёмную глыбу собственной вины, и медленно опустился на краешек дивана. Пружины жалобно скрипнули под его весом. Их взгляды встретились – в его глазах металось дикое, затравленное отчаяние, искавшее хоть крупицу понимания.

– Есть кое-что, что я должен тебе сказать... – его шёпот был едва слышен, сорвавшийся, прокуренный.

В груди Насти всё сжалось в один тугий, болезненный комок. Казалось, на сердце рухнула тяжёлая, холодная плита, перекрывая воздух.

– Что случилось? – её голос прозвучал резко, слова вырвались наружу, вытолкнутые бурей накативших эмоций. – Ты уезжал полный надежд! С такими планами!

– Я вернулся ни с чем, – он опустил голову, его плечи ссутулились под невидимым, чудовищным грузом. – И у меня долги...

Слова застряли у неё в горле, вырвавшись наружу сдавленным, хриплым шёпотом:

– Как так? – это прозвучало как крик, хотя голос почти сорвался. – Ты же писал... что всё складывается удачно! Что дела идут в гору!

– Я не хотел тебя тревожить, – его голос был глухим, безнадежным, похожим на предсмертный стон. – Я думал, смогу всё исправить... но всё только запуталось. Всё обернулось крахом. Обратилось в пепел.

– Что ты пытаешься сказать? – её собственный голос задрожал, став тонким и беззащитным, как последний осенний лист. Ледяной страх подползал к горлу, сдавливая его.

Кирилл поднял на неё глаза – полные такой горькой, беспросветной муки, что стало физически больно смотреть. И поведал ей историю про титан. Настя слушала, чувствуя, как бешено колотится её сердце, угрожая вырваться из груди. Она сжала кулаки так, что костяшки побелели, стараясь удержать рвущуюся наружу панику. Они оба с ужасом осознавали, какая бездна разверзлась между ними и их мечтами.

– Но главное – ты жив, ты здесь, Кирилл! – выдохнула она с усилием, вкладывая в слова всю силу, на которую была способна, хотя внутри всё бушевало. – Я не знаю, как мы выкарабкаемся, но... мы что-нибудь придумаем. Наверное...

Но даже в этой фразе сквозила неуверенность, тонкая, как паутинка, дрожь. Они стояли лицом к лицу с новой, суровой реальностью, и над ними уже нависала тень неопределённости, тяжёлая и безмолвная.

– Я постараюсь всё исправить, – прозвучал голос Кирилла тихо, но в его словах промелькнул слабый, робкий луч – как первый солнечный зайчик сквозь грозные тучи. – Дай мне шанс...

Настя молчала, оглушённая обрушившейся правдой. В голове вихрем крутились вопросы, не находя ответов. Да, он жив и здоров, и за это она мысленно благодарила Бога. Но что делать с долгами? Её декретные – это капля в море. Хлеб, молоко, памперсы... Они стояли на пороге новых, ещё более суровых испытаний, и понимание этого нависло над ними, как злое, низкое грозное облако, предвещающее не просто дождь, а ураган.

Глава 2

В маленькой квартире витал густой, тяжёлый воздух, словно перед грозой. Настя сидела, не в силах оторвать взгляд от Кирилла. Он уставился в одну точку на стене, будто пытался разглядеть в потрескавшихся обоях ответы на вопросы, которых не существовало. Финансовая петля безжалостно затягивалась на их шее, долги нависали над их крошечным миром зловетчицами, свинцовыми тучами. А его губительная тяга к спиртному, казалось, лишь подливала масла в огонь их общего отчаяния, раздувая его в опасное пламя.

Она жила в каком-то тягостном оцепенении, пока однажды в дверь не постучали – не звонком, а тяжёлыми, уверенными ударами. За порогом стояли двое. Не просто мужчины – двое крепких парней в спортивных костюмах, с лицами, будто высеченными из гранита. Их глаза, холодные и оценивающие, не предвещали ничего хорошего. Кирилл, побледнев, вышел к ним, и они вместе скрылись этажом ниже. Крадучись, Настя прильнула к двери, и ледяная струя ужаса пронзила её до самого позвоночника, когда сквозь древесину донеслись отрывистые, недвусмысленные фразы, больше похожие на угрозы.

Именно в тот миг решение созрело окончательно. Её наследство от отца... После его смерти они с сестрой пришли к тихому, обоюдному соглашению: Ольге – просторная двухкомнатная родительская квартира, ей – добротный, тёплый гараж в охраняемом кооперативе и однокомнатная квартира от тётки, прописанная в завещании. Тётка, увы, давно погрязла в алкогольной трясине, но, слава Богу, была ещё жива, так что квартира оставалась делом далёкого и туманного будущего. А вот гараж... Гараж был реальным, осязаемым шансом. Шансом выкупить долг Кирилла за те злополучные шапки, взятые под реализацию.

С этим твёрдым, выстраданным решением она подошла к мужу следующим утром. Его лицо было серым от бессонницы и стресса.

– Кирилл, я всю ночь глаз не сомкнула и вот что решила, – начала она, и голос её прозвучал непривычно ровно, хотя внутри всё сжималось от напряжения. На её лице лежала печать усталости, а под глазами залегли тёмные тени.

– Что случилось? – он отставил кружку с недопитым чаем, и эмаль звякнула о столешницу. В его глазах мелькнуло быстрое, испуганное оживление. Его пальцы нервно забарабанили по краю стола, будто отбивая тревожную дробь. – Ты будто камень на душе таскаешь.

– Я про эту историю с шапками... – она сглотнула ком в горле, собираясь с духом, чувствуя, как подступает тошнота.

– Долги? – он горько усмехнулся, и его плечи снова понуро опустились, выдавая всю глубину отчаяния и растерянности. – Да, это сейчас для нас неподъёмно. Гора.

– Мне от отца гараж достался, – выдохнула она, следя за его реакцией. – Продам его – и мы погасим твои долги. Это наш шанс. Наш шанс начать всё заново. – Она взглянула на него, пытаясь найти в его потухшем взгляде хоть искру, хоть проблеск былой надежды.

– Спасибо, родная... – его голос сорвался на хриплый шёпот. Он потянулся к её руке, но не дотронулся, словно не смея. – Прости меня, пожалуйста, ещё раз... Я ведь не хотел, чтобы так вышло. – В словах звучала искренность, но тень жгучего стыда и вины, мелькнувшая в его глазах, больно кольнула Настю в самое сердце.

– И что, я должна смотреть, как тебя калечат или убивают? – её голос дрогнул, срываясь на высокой ноте. – Мы же команда, помнишь? Как я жить потом буду? – Она осторожно взяла его руку в свои. Его ладонь была холодной и влажной. – Чтобы выкарабкаться, нужно идти вместе. И сейчас это мой шаг.

– А вдруг не хватит? – он заёрзал на стуле, его взгляд беспокойно забегал по комнате, избегая встретиться с её глазами. – Если после продажи гаража останется долг? Что тогда?

– Хватит, и на новый диван останется, – Настя сделала усилие, чтобы её голос звучал ровно и уверенно, хотя внутри клокотала мелкая дрожь. – Главное, что мы вместе. Вместе мы любые горы свернём. – Она замолчала, чувствуя, как подступает следующая, более горькая часть. – Единственное, Ольге это точно не понравится. Она нас за этот гараж потом живьём съест. Но думаю, это мы как-нибудь переживём, да?

– Ты правда готова на это ради меня? – его голос прозвучал тихо, с надтреснутой, детской неуверенностью, но в глубине потухших глаз затеплился крошечный, робкий огонёк надежды, жаждавший поддержки.

– Да, – твёрдо ответила она, крепче сжимая его холодную ладонь в своей. В этом прикосновении, в её взгляде, была вся её решимость. – Я верю в нас. Иначе какая мы семья?

– Спасибо! – он слабо улыбнулся, и уголки его губ задрожали. Но в глубине взгляда, за этой мгновенной благодарностью, всё ещё таилась тень сомнения, тяжёлого и гнетущего. – Я сделаю всё, чтобы больше не влезть в долги.

– Справимся вместе! – она произнесла это с лёгкой, ободряющей улыбкой, хотя на душе скребли кошки тревоги. – Только возьми себя в руки уже, пожалуйста, ладно?

Он кивнул, и в этот миг между ними словно перекинулся невидимый мост. Воздух в комнате стал не таким густым, появилось ощущение, что они снова стоят плечом к плечу, и против этого единения не устоять ни одной беде.

К их изумлению, гараж ушёл с молотка всего за неделю. Долги испарились, как утренний туман над рекой, а в их скромной гостиной обжился новенький диван, окружённый креслами, как верными, надёжными вассалами. На горизонте уже манил день рождения Кирилла. Он жил в предвкушении праздника, когда в дверь, подобно лучику солнца, впорхнула свекровь, озаряя всё вокруг своей сияющей улыбкой.

– Это тебе, кровиночка, авансом! – залиристо пропела она, протягивая конверт. – На зубки голливудские!

– Мама, да ты что! Вот это подарок! – глаза Кирилла вспыхнули восторженными искрами, он вертел конверт в руках, не веря своей удаче.

Не теряя ни минуты, он записался к стоматологу. Спустя считанные дни его улыбка сияла ослепительной белизной, будто выточенная искусным мастером. Она вернула ему часть былой уверенности, пусть и с лёгким, металлическим привкусом осознания, что теперь его сила – во внешнем лоске. Он небрежно зачёсывал волосы, ловя своё отражение в стекле, и в его глазах на мгновение забрезжил тот самый, забытый свет надежды. Увы, мир по-прежнему диктовал свои правила игры, и он это остро чувствовал.

В день его двадцать восьмого дня рождения, купив большой шоколадный торт, украшенный яркими ягодами и взбитыми сливками, они отправились к его маме. По пути Настя замечала, как он нетерпеливо поглядывает на часы, поправляет воротник рубашки. Ему нестерпимо хотелось поскорее увидеть восхищённые лица близких, получить свою порцию обожания. Наконец, они подошли к её дому. Сердце Кирилла колотилось в предвкушении. Он сделал глубокий вдох, выравнивая дыхание.

Настя нажала на звонок. Дверь распахнулась почти сразу. Свекровь стояла на пороге с широкой, сияющей улыбкой, а в её глазах горел самый искренний, самый радостный восторг.

– С днём рождения, дорогой! – Голос свекрови дрожал, сотканный из шёпота и безграничной нежности. Она стояла на пороге, и казалось, всё её существо излучало тепло. Обняв сына, она отодвинулась, чтобы взглянуть на него, и в её глазах плескалась безбрежная любовь, смешанная с едва уловимой, но знакомой Насте тревогой.

Праздничный стол сиял яркими красками нарядной скатерти, отражая танцующие огоньки свечей. Воздух был густым и сладким от аромата домашних пирогов, маринованных огурцов и жареного мяса – всего, что её заботливые руки готовили с утра. Комната была наполнена голосами родных и близких, собравшихся, как это всегда бывало в их большой семье.

– Мамулечка, привет! Спасибо, родная моя! – отозвался Кирилл, глядя на мать с таким обожанием, что Настя почувствовала лёгкий укол чего-то похожего на зависть. В его взгляде отражалась вся глубина сыновней любви, чистой и безоговорочной.

Настя наблюдала за этой трогательной сценой, чувствуя, как по её душе разливается тёплая волна. Но где-то глубоко под сердцем, в самом тёмном углу, шевельнулась и замерла знакомая, холодная змейка тревоги. Комната, залитая солнечным светом, казалась пронизанной невысказанными мыслями о будущем, которое висело на волоске.

Когда мама захлопотала с самоваром, Настя наклонилась к мужу, понизив голос до доверительного шёпота.

– Кирилл, – начала она осторожно, боясь спугнуть хрупкое спокойствие, окутавшее их. – Теперь, когда эта чёрная полоса позади, нам пора всерьёз задуматься о завтрашнем дне.

– Ты права, – согласился он, и в его голосе проскользнула уставшая тень былых сомнений. Он отодвинул тарелку. – Хватит с нас авантюры. Я больше не готов играть с огнём, который сам и разжигает.

Она увидела, как в нём медленно, но верно прорастает что-то новое – не та бравада, а тихая, упрямая уверенность. Он гордо вскинул голову, и его новая, ослепительная улыбка на мгновение приковала к себе всё внимание в комнате, словно магнит.

– Нужна стабильная работа, – продолжила Настя, её пальцы нежно легли на его руку, ощущая под кожей тёплое биение пульса. – Мы справимся, если будем держаться вместе. Как скала.

– Я понимаю, – он накрыл её ладонь своей. Его взгляд стал твёрже. – И всё это благодаря тебе. Когда ты рядом, я чувствую, что способен свернуть горы. По-настоящему.

– Главное, не останавливаться на достигнутом, – она позволила себе лёгкую улыбку. – Внешность, конечно, важна. Но теперь нужны реальные шаги. Усилия.

– Сознаю, – он вздохнул, и его пальцы непроизвольно потянулись к идеальной линии своих новых зубов, будто проверяя их реальность. – А я-то думал, что главное – ум и талант. Оказалось, мир сложнее.

– Ум и талант – это фундамент, – мягко поправила его Настя. – Но иногда нужен и «парадный выход», чтобы тебе просто дали шанс эти ум и талант показать.

– Ладно! – он усмехнулся, и в его смехе впервые за долгое время прозвучала не горькая ирония, а лёгкая, почти мальчишеская усмешка. – В таком случае никаких больше экспериментов с шапками! Закрываем эту креативную лавочку навсегда!

Они рассмеялись вместе, и их смех, звонкий и чистый, наполнил комнату, смешавшись с общим гулом голосов. В этом звуке была не просто радость – в нём звенела надежда. Так, с улыбками на лицах и общими планами в головах, в этот день рождения они решили оставить самые трудные времена в прошлом. И в сердце Насти, долгое время сжатом тисками страха, робко, но уверенно поселился хрупкий, желанный шанс на светлое будущее.

Как только надежда, подобно первому весеннему солнцу, робко озарила их дом, Настя позволила себе поверить, что они выходят на новый путь. Но радость оказалась мимолётной, развеявшись, как дым по ветру, и на горизонте вновь появилась старая, знакомая тень – алкоголь. Каждый раз, когда Кирилл уходил «искать работу», она с замиранием сердца знала – его ноги сами понесут его к братьям, которые, в силу своей молодости и безалаберности, давно избрали этот разгульный образ жизни. Тётка Соня, окончательно измученная их беспробудными загулами, просто отселила своих сыновей и их отца в двухкомнатную хрущёвку, лишь бы избавить свой дом от этого кошмара. Именно там они и собирались – шумно, тесно и безнадёжно. Их двери всегда были распахнуты настежь для всех жаждущих «веселья», и для Кирилла в частности.

– Насть, я в бюро по трудоустройству, – бросил он на ходу, избегая встретиться с ней взглядом. – Может, что-нибудь предложат. Я быстро, всего на час. – Но в его глазах уже проскальзывал тот самый, предательский, знакомый до боли блеск – мутный и весёлый.

– Хорошо, – ответила она, чувствуя, как внутри закручивается тугая, холодная пружина тревоги. – Только надеюсь, твой путь не пролегает через твоих братьев? Ты же знаешь, чем это всегда заканчивается.

– Не, не, я туда и обратно, мигом! – Он сунул руки в карманы, словно пытаясь спрятать там свою нечистую совесть, и выскочил за дверь.

Ей оставалось лишь молча смотреть ему вслед, в который раз цепляясь за хрупкую, как паутинка, ниточку надежды, что на этот раз он сдержит слово.

Ближе к обеденному часу все её иллюзии окончательно рухнули. Сердце сжалось в тяжёлом предчувствии. Она укутала сына в тёплое одеяло, с трудом спустила коляску по бетонным ступеням и направилась в тот самый приют «веселья», где Кирилл привычно топил в рюмке все свои обещания и её надежды.

– Привет, Максим! Кирилл здесь? – её голос прозвучал неестественно громко в полумраке задымлённой прихожей. Она протиснулась в квартиру, и запах перегара, дешёвого табака и чего-то кислого ударил в нос. И тут же нашла его – сидящим за столом, уже основательно окутанным алкогольным дурманом, с рюмкой в неустойчивой руке, в окружении таких же весёлых «друзей».

– О, Настя моя пришла. Привет! – он расплылся в пьяной, неловкой улыбке, его глаза блестели мутно и неестественно. – Там сегодня не приёмный день. Вот, забежал к парням. По пути же!

– Привет, – выдохнула она, смиряясь с горькой реальностью. Внутри всё обрывалось. – Ну, проведаль. Идём домой.

– Да я уже и сам собирался, – пробормотал он, пытаясь встать и изобразить подобие трезвости, но его тело плохо ему подчинялось.

– Ну да, я вижу, прям бежишь и спотыкаешься! – в её голосе прорвалась злость, острая и беспомощная.

– Да всё нормально! – он попытался обнять её, его движения были размашистыми и неточными. – Завтра встану на учёт по трудоустройству, обещаю!

– На дне рюмки, – тихо, почти шёпотом прошептала она, чувствуя, как к глазам предательски подступают горячие слёзы отчаяния.

Он послушно, как ребёнок, поплёлся собираться. Он всегда был послушен в таком состоянии, словно в глубине души ждал, что она придёт и вытащит его из этого болота. Но возвращение домой было худшей частью. Если он сразу не засыпал, её ждал крошечный ад. Кирилл, окончательно терявший над собой контроль, мог начать крушить всё вокруг. Так случилось и в этот раз. Едва переступив порог, он начал требовать пиво, и её спокойный отказ стал той самой спичкой, что подожгла пороховую бочку его гнева.

– Где деньги?! – его голос, хриплый и не свойственный, громычал по маленькой квартире, заставляя сжиматься сердце. – Дай мне денег, ты же знаешь, что мне нужно!

– Да где мне их взять то? – голос Насти сорвался на визгливый шёпот, она вжалась спиной в холодную стену, ощущая, как по спине бегут мурашки. Внутри всё закипало – не яростью, а леденящим ужасом, смешанным с беспомощностью. – Ты дал мне их, чтобы они были? Кирилл, это безумие!

– Ты не понимаешь! Мне надо! Сейчас череп треснет! – он прорычал, и его голос был низким, животным, незнакомым. Его кулаки сжались так, что костяшки побелели, будто выточенные из арктического льда.

– У меня нет денег! – она закричала, вкладывая в этот крик всю накопившуюся боль, весь ужас своего бессилия, всю горечь предательства.

И вдруг – вспышка! Его рука, тяжёлая и стремительная, как плеть, хлестнула её по лицу. Острая, жгучая боль пронзила губу, и она тут же почувствовала тёплый, металлический привкус крови. Не раздумывая, на чистом инстинкте, она схватила первое, что попало под руку – старую, помятую алюминиевую сковороду. Стараясь не задеть голову, она со всей накопленной яростью и отчаянием обрушила её на его лопатки. Металл согнулся с жалобным, глухим стоном. Не дожидаясь, пока он опомнится от шока, она подхватила на руки перепуганного Макара и бросилась бежать сломя голову, успев на выходе с силой захлопнуть дверь и щёлкнуть замком, оставив его одного в этой клетке, выстроенной из его же ярости.

В такие моменты она бежала с ребёнком на руках к Кате. К своей подруге, в чью тихую, пахнущую пирогами квартиру она могла прийти, чтобы перевести дух, укрыться от бури и зализать раны.

Едва переступив порог, она тонула в её понимающем, печальном взгляде. Катя уже всё знала – по её лицу, по тому, как она прижимала к груди ребёнка. Это был очередной раунд, и нужно было просто переждать.

– Настя, что случилось? У тебя кровь... – тихо спросила Катя, бережно принимая из её дрожащих рук малыша. Она укачивала его с такой нежностью, будто он был её собственным, а затем аккуратно уложила на диван, задёрнув штору, чтобы его не разбудил свет.

– Кирилл опять сорвался, – прошептала Настя, стараясь проглотить ком, вставший в горле. Слезы душили, но она не давала им волю. – Я просто не знаю, что мне делать.

– Как ты можешь это терпеть? – голос Кати полоснул по тишине кухни, пока она разливала чай по кружкам. Но в глубине её глаз плескалось не осуждение, а искреннее, острое сочувствие – как тихий огонёк маяка в бушующем море. – По-моему, он просто безнадежен!

– Он проспится и станет другим человеком, ты же знаешь, – Настя говорила почти машинально, заученными фразами. – Утром, на трезвую голову, я достучусь до него. Сейчас это как бензин в огонь, только разожгу пламя ссоры до небес.

– Да сколько можно разговаривать? – возмутилась подруга, её руки сжали край стола, всем сердцем пытаясь прорваться сквозь Настину броню отчаяния.

– Ох, Катюш, наверное, столько, сколько потребуется, – ответила Настя, стараясь унять предательскую дрожь в голосе и собрать воедино осколки своей былой силы.

– То есть, ты не собираешься с ним расставаться? – Катя смотрела на неё прямо, безжалостно. – Ты и дальше будешь всё это... выносить?

– Почему «выносить»? – Настя подняла голову, и в её глазах вспыхнул тот самый, упрямый огонёк. – Я просто буду строить свою семью. По кирпичику. День за днём. Невзирая на бури. – Она сделала паузу, собираясь с мыслями. – Понимаешь, есть несколько путей. – Она загибала пальцы, словно перечисляя возможности спасения на краю пропасти. – Первый – это терпеть, как ты говоришь, и превратиться в жертву. С потухшим взглядом и сломанными крыльями. Второй – развестись и остаться одной с Макаром на руках. В пустой квартире, полной призраков прошлого. А третий... – она выдохнула, – взять всё в свои руки. Как скульптор. И вылепить из этого хаоса то, что мне нужно. Понимаешь, в каком-то смысле, я делаю это для себя, а не для него. Я знаю, каким он может быть. Я помню свет в его глазах. И поэтому не отступлю. Это моя семья. Моя крепость. Так кто же, если не я, сможет её укрепить?

Поздний вечер опустился на город тяжёлым, тёмным покрывалом. Пришло время возвращаться в свою реальность, в свою обитель, где стены помнили и крики, и надежды. Настя натянула куртку, ощущая грубую ткань на плечах, словно это была не одежда, а доспехи, которые должны были защитить её от грядущего. Она напоминала себе, что должна быть сильной, что обязана выстоять – не ради себя, а ради того хрупкого мира, что она пыталась построить для сына. В сердце, несмотря ни на что, теплилась крохотная, как уголёк в пепле, надежда. Надежда на то, что завтрашний день принесёт хоть каплю облегчения, что они смогут наконец поговорить и найти хоть какое-то решение.

Крадучись, стараясь не потревожить звенящую, натянутую тишину, она вошла в дом. Холодная, давящая темнота встретила её ворохом разбросанной одежды, валявшейся на полу, как после шторма. Всё вокруг напоминало поле недавней битвы, где прошлась тяжёлая поступь. Она осторожно, на цыпочках, подошла к дивану, практически не дыша, пытаясь услышать его сонное, тяжёлое дыхание. Если он спит – значит, до утра перемирие. Значит, есть несколько часов тишины, чтобы попытаться заснуть и набраться сил.

Утро выползло из-под похмельного тумана серым и невыразительным. Настя ждала его за кухонным столом, сжимая в руках кружку с остывшим чаем. Она сидела неподвижно, будто на поле брани перед решающей битвой, каждым нервом ощущая напряжённое затишье. Он вышел молча, сел напротив, избегая её взгляда – как загнанный зверёк, пойманный с поличным, весь сжавшийся от стыда и ожидания удара.

– Мы можем найти хорошего специалиста, – начала она, стараясь удержать голос ровным, но предательская дрожь выдавала весь её внутренний страх. – Закодироваться на время. Вернуть того Кирилла, которого я знаю... Успешного. Весёлого. Счастливого.

Она сделала паузу, собирая волю в кулак, чувствуя, как каждое слово даётся с огромным трудом.

– Ты талантлив. Силён. Способен на многое. Ты – лидер по натуре. – Она смотрела на него, пытаясь пробиться сквозь пелену похмелья и безразличия. – Ты сам знаешь, что можешь свернуть горы, когда трезв. Я в это верю.

Кирилл медленно поднял глаза. В их мутной, затуманенной глубине мелькнуло что-то – проблеск болезненного раскаяния, робкое, едва живое желание вырваться из этого порочного круга.

– Хорошо, – прошептал он, и это слово прозвучало тихо, сдавленно, словно клятва, данная в первую очередь самому себе. – Я попробую.

И её накрыла волна такого всепоглощающего облегчения, что на мгновение перехватило дыхание. Точно с плеч свалился груз неподъёмной, давившей месяцами тяжести. Это был лишь первый, самый трудный шаг – признание бездны. Оставалось самое сложное – воплощение. Никаких упрёков, никаких угроз разводом. Только тихая, но упрямая надежда, что он сможет вспомнить себя – того сильного, того, кто способен на большее. Она говорила о его достоинствах, о его внутренней стойкости, о тех качествах, что он в себе похоронил. Её целью было не добить его обвинениями, а разжечь в нём искру интереса к собственной жизни, к своим же возможностям.

Глава 3

Несмотря на бушующие вокруг штормы, Настя упорно, с почти слепой верой, лепила из своего мужа того человека, которого когда-то полюбила. Подобно скульптору, работающему с мрамором, в котором уже заключён идеал, – она лишь отсекала всё лишнее, всё тёмное и шероховатое, стараясь высвободить тот чистый образ, что жил в её сердце. Она цеплялась за малейший проблеск света в его потухших глазах, за редкую трезвую улыбку, за мимолётные проявления того самого, прежнего Кирилла – человека с неиссякаемой энергией, фонтанирующего искромётным юмором, способного заряжать жизнью всех вокруг. Этот образ стал её компасом, её единственной картой в крошечной тьме их реальности.

Настя делала это интуитивно, повинувшись глубинному, необъяснимому знанию, что это нужно прежде всего ей самой. Чтобы не сломаться. Чтобы не забыть, ради чего всё это терпит. Она не придумывала ему добродетелей, а пыталась раздуть те крошечные угольки, что ещё тлели под грудой пепла. На все пересуды и советы со стороны она научилась надевать глухую, равнодушную маску.

Но год изнурительной борьбы, надежд, разбивавшихся о суровую реальность, тщетных попыток и мучительных срывов, истощил её. И когда их сыну Макару исполнилось полтора года, хрупкий картонный домик её иллюзий окончательно рухнул под тяжестью обстоятельств. Чаша терпения её сестры Ольги переполнилась после очередного громкого скандала.

– Если ты не разведёшься с ним, вам придётся съехать с моей квартиры! – её голос прозвучал не просто твёрдо – в нём звенел стальной, бесповоротный скрежет, словно опускалась последняя защитная решётка. – Я не могу больше этого видеть.

Настя смотрела на сестру, видя в её глазах не злость, а отблеск старой, незаживающей боли и яростное, животное желание защитить её, свою дочь и их общий покой. Но эти слова ранили острее ножа, ставя перед невыносимым выбором между кровными узами.

– Оля, он отец моего сына, понимаешь? – её собственный голос прозвучал тихо и хрупко, как тонкое стекло. В нём пыталась уместиться вся её надежда, вся её отчаянная вера. – Я не могу просто так взять и бросить его. Ты же знаешь, каким Кирилл может быть, когда не пьёт.

– Вот именно, когда не пьёт! – парировала Ольга, и в её голосе, наконец, прорвалась наружу та самая, долго копившаяся ярость. – Неужели ты мечтала о таком отце для своего сына? Макар растёт, и всё это происходит у него на глазах! Разве это достойный пример? Ты хочешь, чтобы он вырос и повторял это?

Её слова вонзились в Настю, как отравленные стрелы. Она понимала. Понимала лучше кого бы то ни было. Ольга сама прошла через ад жизни с зависимым человеком. Скандалы, драки, побои... Она сумела вырваться из того кошмара и теперь одна поднимала дочь. Её страх был не пустым звуком, а выстраданным предупреждением, криком души, которая уже однажды обжигалась об это пламя.

– Я пока не готова сдать! – голос Насти прозвучал тише, чем она хотела, но в нём ещё теплилась упрямая искра. Она цеплялась за неё, как утопающий за соломинку. – Он согласен закодироваться. Просто... пока не может решиться. Собраться.

– Он никогда не решится! – Ольга взглянула на неё с обречённой, почти материнской жалостью, в которой не было злобы, лишь горькая уверенность. – Для них главное – пообещать. А забыть – дело нехитрое.

Настя молча приняла её слова. Они падали в душу тяжёлыми камнями, но развод по-прежнему казался невыносимым провалом, крахом всего, во что она так отчаянно верила.

– Хорошо, – выдохнула она, чувствуя, как подкатывает ком к горлу. – Мы съедем. Я поговорю с Кириллом.

Она пыталась говорить ровно, но видела, как взгляд сестры становится всё жёстче, и понимала – её стойкость выглядит в этих глазах не геройством, а слепым, непростительным безумием.

После тяжёлого разговора с сестрой она передала Кириллу её ультиматум. Он слушал, уставившись в пол, и его реакция оказалась неожиданно спокойной, почти отстранённой.

– Я поговорю с мамой. Поживём какое-то время у неё. Пока не найдём вариант получше.

– А чтобы найти вариант получше, нужно работать, – голос Насти прозвучал резче, чем она планировала. В нём слышалась усталость и накопившееся раздражение. – Ты же не будешь сидеть с Макаром, чтобы я одна «пахала»?

– Нет, конечно! – он отмахнулся, но в его ответе не было ни уверенности, ни конкретного плана.

Настя подошла ближе, стараясь поймать его взгляд.

– Помнишь наши мечты о будущем, Кирилл? – она говорила тихо, вкладывая в каждое слово остатки своей веры. – Неужели тебе не хочется жить полной жизнью? Ощущать вкус настоящих побед? Гордиться собой?

Он поднял на неё глаза, и в его растерянном взгляде читалось, что его мысли блуждают где-то далеко, в туманных, недостижимых даях, а не здесь, в их проблемной реальности.

– Хочется, конечно! – это прозвучало неуверенно, сдавленно, словно эхо из другого помещения. Будто он сам не верил в то, что говорил.

Она почувствовала, что это тот самый хрупкий момент, когда нужно ухватиться за малейшую возможность.

– Ты же знаешь, ты можешь достичь всего. Стать тем, кем всегда мечтал, – она наклонилась к нему, пытаясь зажечь в его потухших глазах хоть искру. – Просто избавься от этой зависимости, и мир откроет перед тобой все двери.

Он опустил взгляд, будто выискивая ответ в трещинах на старом полу, потом медленно поднял его снова.

– Знаю, – прошептал он, и это тихое «знаю» прозвучало не как обнадеживающее признание, а как тяжёлый, бесповоротный приговор самому себе.

– Так чего ты боишься? – подстегнула она, стараясь пробиться сквозь броню его апатии и безразличия. Её собственное сердце бешено колотилось. – Неужели эта отравка стала для тебя дороже всего? Дороже нас? Неужели без неё ты не чувствуешь себя живым?

Он глубоко, с шумом вздохнул, словно перед прыжком в ледяную воду, и выпрямил плечи, собирая в кулак последние крохи воли.

– Да нет, конечно! – ответил он уже твёрже, и в его голосе впервые за этот разговор прозвучал слабый отзвук былой решимости. – Я понимаю... что она только тянет меня на дно.

– Так что же тогда тебя держит?! – выпалила она, собрав в кулак всю свою решимость, всю боль и всю надежду, что у неё оставалась.

Кирилл замер. Его взгляд, беспокойный и затравленный, метался по комнате, цепляясь за знакомые предметы, словно ища в них опору. Настя видела, как напряглись его скулы, вырисовывая резкие, жёсткие линии на его осунувшемся лице. Он смотрел на неё, и в глубине его глаз, обычно мутных от выпивки или потухших от апатии, она увидела новую, странную смесь – животный страх и робкую, едва зарождающуюся решимость, пробивающуюся сквозь толщу отчаяния.

– Я обещаю тебе... – его голос сорвался на хриплый шёпот. Он сглотнул, будто проталкивая слова сквозь ком в горле. – Я брошу. Я закодируюсь.

Это прозвучало как очередное обещание из длинной череды пустых клятв. Но в тоне, в том, как он сжал кулаки, угадывался ещё один, крошечный шаг вперёд. Шаг от слов – к неизвестности.

Глава 4

Двухкомнатная квартира Лидии Васильевны была небольшой, но в ней царил особый, согревающий душу уют, созданный заботливыми руками любящей женщины. Воздух пах свежей выпечкой и старой мебелью, полированной до блеска. На полках, застеклённых и безупречно чистых, красовались изящные фарфоровые вазочки и статуэтки. Стены были увешаны фотографиями в рамках – застывшие мгновения счастливой семьи: улыбки, объятия, дни рождения. Каждая деталь, от скромной, но стильной мебели из тёмного дерева до мягких пледов, аккуратно разложенных на спинках дивана, говорила о безупречном вкусе и порядке. Вместе со свекровью жил её младший сын, Стас – долговязый юноша, только что окончивший школу и с головой ушедший в новую, студенческую жизнь.

Лидия Васильевна была женщиной с сильным, волевым характером, во многом напоминавшей свою мать, Антонину Леонтьевну. Её короткие каштановые волосы были всегда идеально уложены, а ясные голубые глаза излучали холодноватое достоинство и острый ум. Она одна подняла двоих сыновей, никогда ни от кого не зависела материально. Работая лаборантом на крупном комбинате, она получала хорошую зарплату, и достойная пенсия была уже не за горами. В ней удивительным образом сочетались, казалось бы, несочетаемые качества. Обиды она помнила годами, могла демонстративно молчать, лелея свою гордость. Но в то же время она была отзывчивой и по-настоящему готовой прийти на помощь, если кому-то из близких грозила беда.

С мамой Кирилл у Насти поначалу сложились ровные, почти дружеские отношения. Но вскоре, где-то внутри появилось ощущение подспудного напряжения. Двум хозяйкам в одном доме, особенно такой, как Лидия Васильевна, было тесно. Настя старалась изо всех сил. Вставая спозаранку, она приступала к домашним делам. Готовила обед, драила до блеска уже и так чистую плиту, стирала и гладила, желая, чтобы свекровь, вернувшись с работы, могла просто отдохнуть. Она не пыталась занять её место – лишь хотела быть полезной, показать свою благодарность. Но Кирилл, в своём слепом восхищении, постоянно захваливал её.

– Мам, ты глянь, как Настя всё отдраила! – мог сказать он за ужином, и каждая такая похвала обжигала Лидию Васильевну, словно капля кислоты. Её лицо каменело, уголки губ опускались в едва заметной, но оттого не менее страшной гримасе. То тепло, что она поначалу излучала, начало таять, сменяясь вежливой, ледяной сдержанностью. Настя кожей чувствовала эту зябкую перемену. Она понимала: на этой маленькой территории кто-то должен был проиграть, чтобы другой получил свою порцию внимания и любви.

А Кирилл тем временем снова начал пропадать. Сначала на несколько часов, потом на целый день. Однажды он исчез на пять долгих, мучительных дней. И тогда Настя приняла решение. Она перестала его искать. Перестала бегать за ним и нервно всматриваться в окно. Она предоставила ему полную свободу выбора, сама того не желая, ставя на кон всё, что у них оставалось.

Атмосфера в доме накалилась до предела, став густой и удушающей. Мысли о разводе, которые раньше были лишь пугающим призраком, теперь настойчиво стучались в виски, становясь единственным логичным выходом. Уйти было страшно – в никуда, с ребёнком на руках. Но, кажется, она была уже готова проглотить гордость, вернуться к сестре и принять её условия. Цена за спокойствие казалась уже не такой высокой.

Сидя у кровати спящего сына, почти смирившись с роковым решением, Настя услышала настойчивый звонок домашнего телефона. Его резкий трель прорезал тишину, как сигнал тревоги.

– Настенька, здравствуй! – раздался в трубке знакомый, бархатный голос Антонины Леонтьевны, полный неподдельного участия и тепла. – А мама там далеко?

– Добрый день, бабулечка, – ответила Настя, стараясь выровнять дыхание и скрыть дрожь в голосе. – Она на работе. Что-то передать?

– Да нет, просто хотела узнать, как вы там. Мне тут Кирилл звонил. Он сейчас у ребятшек... Что у вас происходит?

Настя глубоко вздохнула. Комок подступил к горлу, горький и безжалостный.

– Да всё по-старому, – выдохнула она, сжимая трубку так, что пальцы побелели. Она изо всех сил боролась с желанием разрыдаться, выплеснуть всю накопившуюся боль. – Его пять дней нет дома. Но я больше не могу так, бабуль. Сколько можно бегать за ним? Я устала. Наверное... будем разводиться.

– Милая моя, – голос бабушки прозвучал с такой нежностью, что у Насти снова предательски задрожали губы. – Я понимаю тебя! Он мне и позвонил-то, чтобы вроде как пожаловаться, что ты не бегаешь и не ищешь его!

– Да сколько можно?! – сорвалось у Насти, и в её голосе прозвучала вся горечь двух потерянных лет. – Два года! С коляской туда-сюда, по всем его «точкам»! А воз и ныне там. Одни обещания!

– Вот я ему и сказала, что пора бы уже определиться, – твёрдо произнесла Антонина Леонтьевна. – Если хочет сохранить семью, пусть делает то, что нужно! Без лишних слов.

– Да он и сам это знает. Сколько этих разговоров было! – в голосе Насти слышалась усталая безнадежность. – Да он ещё и подвыпивший, наверное, звонил?

– Да нет, ты знаешь, трезвый как стёклышко! – ответила бабуля, и Настя почувствовала, как её сердце сжалось от странной, колющей надежды.

– А что ж домой тогда не едет?

– Сказал, что ему стыдно тебе на глаза показываться!

– Здравсьте, жопа, Новый год! – вырвалось у Насти с горькой усмешкой. – Простите за мой французский!

– Ну ладно, Настенька, он вроде хотел позвонить тебе сегодня. Маме привет!

– Пока, пока, бабуль! – она положила трубку, и в тишине комнаты её собственное сердцебиение казалось оглушительно громким.

Не успела она сделать и шага к кухне, как телефон снова залился пронзительным звонком.

– Алло! – её голос прозвучал резко, на грани срыва.

– Привет, Настя... – прозвучал в трубке голос Кирилла. И в нём было столько смятения, неуверенности и какой-то детской растерянности, что у неё на мгновение перехватило дыхание.

– Привет, Кирилл.

– Можно я... сегодня домой приеду? – он произнёс это так, словно спрашивал разрешения войти в чужой дом.

Настя чуть не рассмеялась – горьким, нервным смехом.

– А ты почему у меня разрешения-то спрашиваешь? – её голос дрогнул. – Это дом твоей матери! У тебя здесь прав больше, чем у меня. Разве я тебя гнала отсюда? Говорила: «Не смей появляться»?

– Мне просто... очень стыдно, – признался он тихо, и в этой простой фразе прозвучала такая искренняя, беспомощная нотка раскаяния, что у Насти снова ёкнуло сердце.

– Ерундой не майся, приезжай, а там и поговорим! – её голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя внутри. Она изо всех сил старалась сохранить внешнее спокойствие, словно натягивая на себя непроницаемую плёнку.

– Хорошо, сейчас буду, – ответил он, и в его голосе сквозь смятение пробилась какая-то новая, решительная нота. Будто он делал первый, неуверенный шаг по тонкому льду над пропастью.

Она положила трубку, и в тишине комнаты её охватило странное ощущение. Лёгкое, почти призрачное чувство, что песок в их семейных часах ещё не окончательно пересыпался. Возможно, ещё не всё было потеряно.

Он ворвался в дом не как обычно – понурый и виноватый, а как свежий ветер, сметающий всё на своём пути. Его глаза горели.

– Я выбираю семью! – объявил он, и слова звучали как клятва. – Готов хоть завтра бежать к врачу!

Неделю он провёл в мучительной борьбе с самим собой, выводя из организма шлаки и интоксикацию. А когда тело и разум очистились, он твёрдо направился к врачу и закодировался на три года. Спустя пару недель его уже можно было видеть в новой каске и спецовке – он уверенно вливался в коллектив перспективной строительной организации, занимавшейся инженерными сетями. Это была его стихия. Чертежи и схемы он читал, как открытую книгу. Пока его взяли просто сварщиком, но новая работа стала для него настоящим даром судьбы, глотком свежего воздуха.

Но однажды осенним днём, холодным и промозглым, когда лишь маленький Макар составлял ей компанию своим тихим лепетом, тишину разорвал резкий телефонный звонок. Голос соседки снизу, полный отчаяния, пронзил трубку:

– Настя, у меня потолок мокрый! Пятно расплзается, как живое!

Сердце Насти упало. Она обежала квартиру и обнаружила предательскую влагу у батареи в комнате. Та сочилась коварно, по капле, оставляя на полу тёмное, растущее пятно.

– Тихо, тихо, без паники, – прошептала Настя себе под нос, нашаривая в тёмной кладовке маленькое пластиковое ведёрко. Она подставила его под мерные, зловещие удары капель. – Главное, чтобы потоп не начался.

Когда свекровь вернулась с работы, новость о протечке встретила Настю хмурым, исподлобья брошенным взглядом.

– Лидия Васильевна, тут небольшая неприятность с батареей, – начала Настя, стараясь говорить абсолютно спокойно, ровным, почти приветливым голосом. – Немного подтекает. Я ведёрко подставила.

Глаза свекрови метнули молнии. Воздух в комнате стал густым и невыносимо душным.

– А сантехника вызвать религия не позволяет? – её голос прозвучал ледяной сталью. – Пальцы от телефона отвалятся?

Обида, горькая и жгучая, обожгла Насте горло, заставив сглотнуть. Она тихо попыталась оправдаться, чувствуя, как напряжение сковывает её плечи, сжимая в тиски:

– Я номер ЖЭКа не знаю. Подумала, вы, как хозяйка, лучше знаете, куда звонить... – проговорила она, сама не понимая, почему так униженно оправдывается.

– Что тут думать, прыгать надо! – рявкнула Лидия Васильевна, и её слова ударили, как пощёчина. – Ты вообще ни к чему не приспособлена! И как вы жить дальше собираетесь?

Слова её полоснули по самому сердцу, остро и безжалостно. Ком встал в горле, мешая дышать.

– Я стараюсь помогать, делаю всё, что могу, – пролепетала Настя, и её голос дрогнул, стал тонким и беззащитным, как последний осенний лист на ветру. – Я просто хотела как лучше...

Но лёд в глазах свекрови не растаял. Лидия Васильевна лишь презрительно отвернулась, её спина стала непроницаемой стеной.

– В следующий раз думай, прежде чем что-то делать, – бросила она через плечо, направляясь в свою комнату. Казалось, свекровь наконец-то обнаружила тот самый изъян, который так долго искала, чтобы с холодным торжеством указать на него сыну: «Вот она, твоя чудожена. Ни к чему не приспособленная». Она оставила Настю одну в прихожей, с тоской в сердце и полным, оглушающим недоумением.

Для Насти слово «мама» всегда было священным, наполненным светом. В двенадцать лет она похоронила свою мать и с тех пор боготворила её память, зная, что мать – это сама жизнь, её тепло и основа. Именно поэтому Настя так трепетно поддерживала отношение Кирилла к его маме, видя в этом что-то глубоко правильное. Но сейчас, подобно ядовитому шипу, горечь вонзилась ей в самое сердце, отравляя всё внутри.

Когда Кирилл вернулся с работы, пахнувший металлом и холодным ветром, Настя рассказала ему о разговоре со свекровью. Она старалась не выплёскивать упрёки, а лишь поделиться той всепоглощающей болью, что разъедала её изнутри.

– Я не знаю, чем я ей не угодила, – голос её сорвался, стал тонким и надтреснутым, как старая, пересохшая нить. – Мне кажется, ей не нравится, когда ты хвалишь меня за домашние дела. Любая моя попытка помочь... будто обжигает её.

Попытка Кирилла поговорить с матерью обернулась громом среди ясного неба. Из-за закрытой двери их комнаты донёлся сдавленный, но яростный голос свекрови.

– Только и слышу: Настя то, Настя это! Сама святость, да и только! – выпалила Лидия Васильевна, и её голос, обычно сдержанный, звенел в этот миг клокочущим, не скрываемым раздражением, как раскат грома перед бурей. – Я вас, конечно, не выгоняю, но прошу освободить квартиру в кратчайшие сроки!

Эти слова, отточенные и холодные, как лезвие, прозвучали как приговор. Они подвели жирную черту под всем, что было между ними. В сгустившейся тишине после её ухода повисло тяжёлое, давящее напряжение.

Кирилл, не раздумывая, молча принял решение. Он собрал их с Макаркой в тот же вечер, его движения были резкими, точными. Они покинули дом свекрови под покровом наступающих сумерек. Несколько дней ютились у его двоюродных братьев, и на это время Кириллу удалось невозможное – он прекратил все гулянки и посиделки в этом доме, установив свои правила. Кирилл искал варианты неистово, и вскоре они нашли свою, пусть и съёмную квартиру, но это стало их первой настоящей крепостью.

ЧАСТЬ 3

Опасные мысли

Глава 1

1999 год ворвался в жизнь семьи Насти и Кирилла не календарной датой, а ощущением свежего ветра, наполненного запахом счастья и свежестью перемен. Тень алкогольной зависимости отступила, словно её и не бывало, растворившись в напряжённом ритме рабочих дней. Кирилл, освобождённый от невидимых оков, рвался вперёд с неукротимой энергией. Его природная хватка и дар руководителя, больше не приглушённые туманом похмелья, быстро выдвинули его из рядовых сварщиков сначала в прорабы, а затем и начальника участка.

В уютной кухне их съёмной квартиры, залитой лучами утреннего солнца, сквозь свежие занавески играли золотые зайчики. Кирилл, откинувшись на спинку стула, с удовольствием потянулся, и на его лице расплылась широкая, беззаботная улыбка.

– Надо купить телевизор... – задумчиво протянул он, а потом глаза его загорелись. – Огромный! Чтобы прямо как в кинотеатре!

Настя, разливая по кружкам ароматный чай, пар от которого поднимался в солнечных лучах, словно живой, мгновенно подхватила его мысль, будто только и ждала этого.

– А тогда... – она прикрыла глаза на мгновение, представляя картину, – и тумбу под него. Особенную. Знаешь, чтобы телевизор – как бриллиант в оправе по центру, сверху – музыкальный центр, а по бокам – полочки для кассет и дисков. Я видела такую мини-стенку – целое произведение искусства!

– Ага, классно! – Кирилл оживился, его пальцы принялись выбивать энергичный ритм по столу. – Поехали прямо сейчас и возьмём! Я уже присмотрел один телек, там и тумбы в комплекте идут!

– А поехали! – с радостным смехом согласилась Настя, ощущая знакомый щемящий восторг от этих спонтанных, общих планов.

Их съёмная квартира, ещё недавно пустая и пахнувшая чужими жизнями, постепенно обрастала красками и теплом. Новая мебель, долгожданная бытовая техника... Настя развела на окнах воздушные, почти невесомые шторы, которые колыхались от малейшего сквозняка. Родственники, обновляя свой интерьер, отдали им почти за бесценок отличный импортный кухонный гарнитур. Каждый новый предмет в доме был не просто вещью, а кирпичиком их общего счастья, материальное доказательство того, что они строят свою крепость. В воздухе витало густое, почти осязаемое ощущение тепла, надежды и сладкого предвкушения будущего.

По утрам Настя просыпалась ещё затемно, когда за окном только-только начинали сереть ночные тени. Робкие лучи солнца, как золотые нити, ещё только пытались пробиться сквозь кисею занавесок. На кухне царила особая, медитативная тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием чугуна на плите и мерным постукиванием ложки о край кастрюли. Она колдовала над завтраком, и в каждом движении – в взбивании яиц, в шипении масла на сковороде – была тихая, сосредоточенная нежность. Ароматные, румяные блинчики горкой вырастали на тарелке, а запах свежесваренного кофе, густой и насыщенный, заполнял собой всё пространство, создавая неповторимую ауру домашнего уюта.

Собирая Кириллу обед, она аккуратно раскладывала по контейнерам его любимые блюда, будто собирала не просто еду, а частичку своего тепла, которую он унесёт с собой на работу. Потом будила Макара, их маленького непоседу, который всегда просыпался с улыбкой, готовый к новым утренним приключениям в садике. Его звонкий, заразительный смех наполнял дом такой жизнью, что даже самые тёмные углы казались светлее.

Днём, оставшись одна, она буквально парила по дому. Мыла полы, вытирала пыль, готовила ужин – и в каждом движении была лёгкость, окрылённая тихой, глубокой радостью. Радостью от предвкушения вечера, когда их уютный дом наполнится гомоном, смехом и радостными голосами, когда они все соберутся за одним столом. В эти моменты она чувствовала себя

не просто женой и матерью, а настоящей хранительницей очага, того самого, о котором всегда мечтала.

А вечером, когда солнце начинало клониться к горизонту, окрашивая небо в нежные персиковые тона, Настя замирала у окна. Она вглядывалась в сумеречную улицу, где зажигались первые фонари, с трепетным нетерпением, словно ожидая не просто мужа, а самого праздника. Каждый его шаг по дороге домой был для неё слышен сердцем, и оно, наполненное до краёв, готово было выплеснуться наружу волной безграничной нежности. Его возвращение теперь всегда было озарено светом – не яростным и ослепляющим, а тёплым и постоянным, как свет от хорошей, надёжной лампы.

– Знаешь, у меня теперь сто процентов природного кайфа! – заявлял он, распахивая дверь, и его ослепительная улыбка казалась самым ярким пятном в наступающих сумерках. И Настя готова была поклясться, что в его глазах, тех самых, что когда-то поразили её своей глубиной, вновь жила та самая, давно потерянная искра – озорная, живая и бесконечно притягательная.

Ещё один год пронёсся вихрем, и весна 2001-го вновь распахнула свои объятия, пахнувшие талым снегом и обещанием нового.

Как обычно, они коротали вечер на кухне, за стареньким, но до блеска натёртым столом. Последние лучи солнца ласково цеплялись за края занавесок, а воздух был наполнен густым, обволакивающим ароматом свежесваренного чая с травами. Казалось, все бури и невзгоды остались где-то далеко позади, за толстой стеной их общего спокойствия. Они выстояли. Они могли просто жить.

– Насть, как ты смотришь на то, чтобы обзавестись машиной? – спросил Кирилл, отложив газету. В его глазах плясали озорные, почти мальчишеские искорки предвкушения.

– А почему бы и нет! – её лицо само собой расплылось в улыбке. Сердце сделало в груди трепетный, радостный кувырок. – Это было бы здорово! Надо бы подкопить, откладывать понемногу с зарплаты, и, глядишь, годика через пол возьмём!

– Годика через пол? – Кирилл фыркнул, и его заразительный смех, громкий и чистый, казалось, раскрасил и без того солнечную комнату в ещё более яркие тона. – Это целая вечность! У нас на работе инженер свою «девятку» продаёт, цвет – закачаешься, вишнёвый. Помнишь, как в песне? «Твоя вишнёвая девятка»?

– Да, конечно, помню! – она засмеялась вместе с ним. – Но где же нам взять сразу нужную сумму, не занимать же?

– Он согласен на рассрочку! – выпалил Кирилл с таким энтузиазмом, будто уже держал ключи в руках. Она тут же представила его – подъезжающего к дому на блестящей машине, полного гордости и той самой, здоровой мужской уверенности. – Буду ему с зарплаты понемногу отдавать. Кстати, он недорого просит, я за полгода рассчитаюсь!

– Ты уже всё просчитал? – удивлённо покачала головой Настя, не в силах сдержать улыбку. – Ну, если он согласен на рассрочку, то, конечно, стоит брать. Я только за!

Каждый миг рядом с ним был наполнен особым, лёгким светом. В такие минуты их маленький мир казался идеальным, выстроенным своими руками.

Она всегда тщательно следила за собой – это было её маленьким, тихим ритуалом. И каждый взгляд Кирилла, ловивший новую причёску, другой оттенок помады или просто новое платье, согревал её изнутри тихим, тёплым светом. Это было не просто одобрение – это была та самая, незримая поддержка, которая говорила ей: «Я вижу тебя. Ты прекрасна. Твои старания важны». Это окрыляло, заставляя верить, что её преобразования – не мимолётные капризы, а уверенные шаги к той самой, большой и светлой жизни, которую они вместе строили.

Кирилл любил осыпать их маленькую семью щедрими, порой неожиданными сюрпризами. Однажды вечером, развалившись на диване после работы, он внимательно посмотрел на Настю, и на его лице расплылась искренняя, восхищённая улыбка.

– А знаешь что? – начал он, и в его глазах заплясали знакомые Насте озорные огоньки. – Давай купим тебе плащ. Не простой, а из кожи. С огромным воротником из чернобурки! – Он сделал широкий жест руками, словно уже видел её в этом наряде. – Сейчас это невероятно модно. Моя жена должна выглядеть как королева. Ведь жена – это лицо мужа.

Его слова, тёплые и уверенные, словно лучи солнца, растопили последние льдинки сомнений, прятавшиеся где-то глубоко в её сердце. Внутри что-то ёкнуло и вспыхнуло ярким, тёплым огоньком.

– Давай купим! – ответила она с лёгкостью и воодушевлением, чувствуя, как по телу разливается приятное волнение.

– Отлично! – он оживился, словно мальчишка, получивший долгожданную игрушку. – Я знаю один шикарный торговый центр. Там наверняка найдётся что-нибудь особенное!

– Тогда поехали! – с готовностью подхватила она, её глаза уже искали сумочку. – И Макара заодно порадуем новой машинкой на пульте управления!

– Прекрасная идея! – с широкой улыбкой согласился он, поднимаясь с дивана. – Собирайтесь, я жду вас в машине!

В мгновение ока квартира наполнилась суетой и заразительным, общим смехом. И вот они уже все трое, объятые радостным, почти детским волнением, мчались навстречу новым впечатлениям, наперебой обсуждая, какие сокровища ждут их в торговом центре.

В одном из бутиков, пахнущем дорогой кожей и новизной, Кирилл, словно опытный охотник, выследил тот самый плащ. Он висел на вешалке, и мягкий свет софитов играл на его гладкой поверхности.

– Насть, иди сюда! – позвал он, не скрывая восторга. – Ты же давно мечтала о таком! Примерь, он словно создан для тебя! Если подойдёт – берём не раздумывая!

Когда она накинула плащ, то почувствовала, как прохладная, удивительно мягкая кожа ласково облегает плечи. Воротник из пушистого меха нежно щекотал щёку. Внутри неё разразился настоящий фейерверк эмоций – восторг, лёгкое головокружение и щемящее чувство благодарности.

– У меня теперь есть кожаный плащ с чернобуркой! – воскликнула она, не в силах оторвать взгляд от своего отражения в зеркале. – Спасибо, любимый!

В этот миг время словно замерло. Она кружилась перед зеркалом, наслаждаясь своим преображением, чувствуя себя не просто женщиной, а блистательной моделью, сошедшей с обложки глянцевого журнала. Счастье переполняло её, делая мир вокруг ярким и безмятежным.

Но в последнее время, несмотря на все щедрые подарки – роскошную шубу, изысканные платья, сверкающие серьги и кольца – её начала терзать одна навязчивая мысль. Кирилл ни разу не произнёс заветных, простых слов.

И вот однажды, поддавшись внезапному порыву за ужином, когда в доме царила тихая, уютная атмосфера, она не выдержала и спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Кирилл, а ты меня любишь?

Он оторвался от тарелки, пережёвывая кусок мяса, и ответил как-то буднично, без особого трепета в голосе, словно комментировал погоду за окном:

– Конечно, люблю! Я же с тобой!

Его слова прозвучали плоско, как заученная фраза из дешёвого романса, и в душу Насти медленно, неотвратимо заползла ледяная тень сомнения. Она почувствовала, как что-то внутри сжимается в холодный, тяжёлый комок.

– А почему ты никогда не говоришь мне об этом? – её голос прозвучал тише, в нём слышалась не просьба, а почти мольба, жаждавшая хоть капли настоящей, невысказанной нежности. – Просто так. Без повода.

– Я не умею говорить о любви, – последовал его привычный, отточенный ответ, будто он заранее подготовил эту отговорку.

– Но когда-то у тебя это неплохо получалось! – вырвалось у неё, и в голосе зазвенела отчаянная нота. Она смотрела на него, пытаясь разглядеть в его глазах хоть что-то знакомое, то, что было когда-то. – Что происходит, Кирилл? Что-то изменилось между нами?

В воздухе повисло тягостное, густое молчание. Кирилл, явно почувствовав напряжение, резко отодвинул тарелку и сменил тему, углубившись в пустой, ни к чему не обязывающий разговор о коллегах или политике – что-то, что не имело к ним никакого отношения. Настя ощутила, как между ними вырастает невидимая, но непреодолимая стена из стекла. Тоска, острая и холодная, сдавила её сердце, словно она стояла на краю бездны и тщетно пыталась найти дорогу назад, к тому, что было раньше.

А потом, как будто очнувшись от дурного сна, она с силой отбросила от себя мрачные мысли.

– «Да ну, бред!» – мысленно отмахнулась она от них, как от назойливых мошек, жужжащих над ухом в летний вечер. – «Только я знаю его настоящего. Вижу его насквозь. Мало кто захочет пройти тот же тернистый путь, что прошла с ним я, во времена его падения. Кому нужны такие испытания? Всем подавай успешных мужей на блюдечке, с золотой каёмочкой. Он же знает, чего это мне стоило. Кто ещё выдержит его несносный характер?»

Кирилл, ко всему прочему, был собственником до мозга костей – ревнивым и вспыльчивым. Порой даже самый невинный повод, вроде приснившегося сна, мог спровоцировать бурю негодования.

– Эй, не забывай, я Овен! – как-то пошутил он, запутавшись в дебрях своего собственного самоанализа после одной такой ссоры.

– Да, именно поэтому ты такой упрямый, ревнивый и властный! – парировала она с усмешкой, стараясь снять напряжение. – Но, знаешь, я – Скорпион. И я умею гасить твоё пламя, когда ты начинаешь слишком разгораться!

Но неугомные, тёмные мысли, как назойливые сверчки, продолжали скрестись в её голове, особенно по ночам. Её никто не предупреждал тогда, что мысли материальны. Она и понятия не имела о подобном. И вот, оставаясь наедине с собой, она позволяла сознанию увязнуть в опасных грёзах:

«Я – добродетельная жена. Образцовая мать. „Сквозь тернии“ я проложила ему путь, стала его неприступной крепостью, помогла обрести себя, высвободила его дремлющий потенциал». Она жаждала признания, томилась по заслуженной, искренней похвале. И эта жажда, извиваясь в сознании, как коварная змея, подталкивала к чудовищной мысли: для настоящей оценки нужен контраст. И тогда в её воображении разворачивалась целая драма: «Он встречает другую. Его пленяет чарующая новизна, блеск чужих глаз. Он уходит, ослеплённый, а затем, прозрев и увидев суетную пустоту, возвращается, поверженный раскаянием, умоляя о прощении...»

Ах, если бы кто-то предостерёг её тогда, что этими мыслями она, словно тёмным заклинанием, притягивает беду! Но Настя не осознавала этого. Она позволяла себе упиваться этими опасными фантазиями, наивно полагая, что это всего лишь игры разума, безобидный полёт воображения. Ведь мысли беззвучны, а значит, и безвредны, убеждала она себя. А потом, словно очнувшись от дурмана, ругала себя за эти глупые небылицы и с силой отмахивалась от них, как от надоедливой, назойливой мошкары, выющейся перед лицом.

Она и представить не могла, что этот хрупкий, устоявшийся мир, который она с таким трудом выстроила, однажды рухнет с оглушительным грохотом, погребая под обломками всё, что она так лелеяла.

Апрель 2001 года. Ресторан гудел, как гигантский улей, наполненный смехом, музыкой и звоном бокалов. Они праздновали тридцатилетие Кирилла. Воздух был густым и сладким от запаха дорогих духов, цветов и праздничных блюд.

Свекровь, сияющая, с материнской гордостью светившаяся изнутри, не сводила с сына глаз, ловя каждый его жест, каждую улыбку.

– Я так рада за тебя, сынок, – её голос, обычно такой строгий, сейчас звучал мягко и проникновенно. – Я счастлива, что у меня такой сын! Твоё упорство, твоя целеустремлённость – это моя главная гордость. Я горжусь, что вырастила такого замечательного человека!

В сердце Насти волной поднялась тёплая, щемящая благодарность. Она не сдержалась и, повернувшись к свекрови, сказала с нежной улыбкой:

– И я горжусь своим мужем! Спасибо вам за ту силу и то стремление, что вы в него вложили. Всё лучшее, что в нём есть, он, несомненно, выпитал от вас. Я счастлива, что смогла это разглядеть и поддержать!

Вокруг них гости, захваченные общей атмосферой праздника, не скрывали своего восторга. Обменивались тёплыми улыбками, одобрительными взглядами, слышались обрывки фраз:

– Как же вы прекрасны вместе! Просто удивительная пара! – Молодцы, вы оба добились невероятных высот! – Словно созданы друг для друга! Успехов вам в будущем!

Настю переполняло щемящее, до боли острое счастье. В этот миг она понимала: её мечта, ради которой она боролась, сбылась. Её усилия оправдались. И теперь, словно тонкая, но невероятно прочная нить, это чувство будет соединять их прошлое, настоящее и будущее.

Но после праздника, уже дома, в тишине, нарушаемой лишь мерным дыханием спящего Макара, Кирилл вдруг попросил:

– Настя, давай накроем стол дома в честь моего юбилея. В следующие выходные. Позову коллег, у них для меня подарок.

Она удивлённо вскинула брови, откладывая книгу.

– Почему не позвал их в ресторан? Там же было бы удобнее.

Кирилл лишь отмахнулся, избегая встретиться с ней взглядом, его пальцы нервно барабанили по столешнице.

– Что за вопросы? Просто накрой стол. Будет всего две женщины и несколько мужчин. Пристыдили меня, понимаешь? Говорят, надо в неформальной обстановке.

Странно, промелькнуло у неё в голове. Не в его стиле – поддаваться на такие уговоры. Но она пожала плечами.

– Ладно, накрою.

В выходные она так и сделала. Стол ломился от угощений, в квартире пахло свежей выпечкой и чем-то праздничным. Гости пришли – совершенно незнакомые Насте люди. Но раз уж он попросил... Подчинённые хотят поздравить, значит, ценят и уважают. Значит, всё действительно хорошо.

Когда все расселись за праздничным столом, в воздухе повисло странное, почти осязаемое напряжение. Оно витало между звоном бокалов и приглушёнными разговорами, как лёгкий, но едкий дымок. Одна из его коллег, молодая женщина с острым, оценивающим взглядом, всё время разглядывала Настю не скрываясь. Её взгляд, скользкий по Настиному лицу, платью, причёске, был колким и изучающим, словно она знала некий секрет, о котором Настя и не подозревала.

– Привет, ты, наверное, особенная женщина, – сказала она наконец, и её улыбка была сладкой, как сироп, но не дотягивала до глаз. Она лениво накручивала тёмный локон на палец. – И как тебе с ним? С нашим боссом?

Настя лишь усмехнулась в ответ, стараясь скрыть нарастающую настороженность, похожую на лёгкий холодок в животе.

– Знаешь, он, может, и своенравный, но я умею обращаться с огнём! – парировала Настя, стараясь, чтобы голос звучал легко и непринуждённо.

На этот раз та – Диана, как представилась она, настоящая звезда этой вечеринки, – со скептическим смешком пожала плечами, пригубила вино из бокала, а затем наклонилась к Насте так близко, что та почувствовала запах её духов – тяжёлых и цветочных.

– Такой взгляд знатной защитницы! – прошептала она ей на ухо, и её шёпот был влажным и шипящим. – Поздравляю, может, ты и пожарный, но иногда огонь интереснее, когда его не тушат, а разжигают.

Холодок, острый и резкий, пробежал по Настиной спине. Слова звучали не как шутка, а как зловещее, двусмысленное предзнаменование. А Кирилл, смеявшийся в это время с кем-то из мужчин, даже не взглянул в их сторону, не заметил, как темнеет Настин взгляд, как пальцы её сжимают салфетку. Она, конечно, держала себя в руках, улыбалась гостям, но в ту минуту остро ощутила, как зыбок и ненадёжен её мир, как неумолимо его движение. И поняла, что в нём всегда найдётся щель для новой, внезапной бури.

Она отчаянно боролась с подступающей ревностью, гнала от себя эти мысли, как назойливых, жужжащих мух. «Всё это мерещится, я просто устала, накручиваю себя», – твердила она про себя, как мантру. Но с каждым днём Кирилл становился всё холоднее, отчуждённее. Его задержки на работе, раньше бывшие редким исключением, теперь стали удручающей, привычной нормой.

– Кирилл, опять задерживаешься? – спрашивала Настя, ставя на стол уже подогретый ужин, и в её голосе звучала не тревога, а усталая, выученная покорность.

– Прости, сроки горят. Пришлось задержаться, – отвечал он, не отрывая взгляда от тарелки, словно в ней было что-то невероятно важное.

В воздухе между ними висело что-то недоброе, колючее, невысказанное. Он приходил, молча поглощал еду и почти сразу уходил в царство Морфея, повернувшись к ней спиной. Какие уж тут разговоры, нежности... А вскоре начались звонки. Поздние.

– Позовите, пожалуйста, Кирилла, – звучал в трубке бесцветный, деловитый женский голос.

– Кто это? – спрашивала Настя, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, сжимаясь в ледяных тисках.

– С работы. У нас аврал. – Неизменно следовал однообразный, заученный ответ.

Но звонки становились всё чаще и настойчивее. Очередной телефонный звонок, резкий и пронзительный, вновь разрезал ночную тишину, вонзившись ей прямо в сердце. Кирилл спал мёртвым сном усталого человека. А её, измученную неясными предчувствиями и бессонницей, словно магнитом потянуло к трубке. Собрав остатки мужества, она сняла её.

– Да, я слушаю... – её голос прозвучал хрипло от сна. – Кто это? – в нём проскользнуло раздражение, тщетно пытавшееся скрыть подступающую, знакомую тревогу.

– А Настю можно услышать? – в ответ раздался мальчишеский, нарочито бравурный голос, щедро приправленный залиvistым, неестественно громким смехом.

– Я слушаю, – повторила Настя, и её пальцы непроизвольно сжали трубку так, что побелели костяшки. По спине пробежал холодок, мелкий и противный, как ползущие мурашки.

Смех в трубке стал ещё громче, откровенно издевательским, и тут же оборвался. Кирилл вскочил с кровати, словно ужаленный раскалённым железом. Не дожидаясь конца разговора, он грубо вырвал у неё трубку, его лицо исказила мгновенная, слепая ярость.

– Кто это? – его голос прозвучал низко и хрипло, как рык.

– А Настю можно? – донеслось из трубки с преувеличенной наивностью.

– Ты ничего не попутал, сопляк? – прорывал он, с силой швыряя трубку на рычаг. Пластик с сухим треском отскочил и повис на проводе, раскачиваясь, как повешенный.

Настя оцепенела, наблюдая за этой внезапной вспышкой ярости. Он отвернулся, тяжело рухнул на подушку и буквально через мгновение его дыхание стало ровным и глубоким, будто ничего и не произошло. Но её терзала уже знакомая, холодная змея тревоги, не давая сомкнуть глаз до самого рассвета. Этот звонок, этот дурацкий смех, словно чёрное перо, упали в колодец её спокойствия, отравив воду. Явный намёк, призванный разбудить в Кирилле ревность, посеять в нём зёрна сомнения в её верности. Но кому это было нужно? Кто этот невидимый кукловод, дёргающий за ниточки их жизни? Этот вопрос жёг её изнутри, не давая покоя.

Приближался Новый 2002 год, а в душе Насти бушевала своя, невидимая буря. Неужели это происходит с ней? С ними? Ни слова поддержки, ни намёка на перемены к лучшему. Ссоры стали отравлять воздух в доме, и он каждый раз находил новый предлог, чтобы сбежать к матери.

С тех пор как они отделились от свекрови, лёд в тех отношениях так и не тронулся. В своей затаённой обиде Лидия Васильевна лелеяла надежду, что Кирилл вернётся к своей первой жене, где подрастал его одиннадцатилетний сын. В те времена поветрие обращаться к ведуньям и знахаркам расплодилось, словно чума. И свекровь, поддавшись всеобщему безумию, обратилась к одной из таких прорицательниц. Ирония судьбы – та, разглядев в Насте «хорошую женщину» и на словах предрекая им светлое будущее, всё же не смогла отказать Лидии Васильевне и нашептала на воду заклинание разлуки. Однажды Настя невольно подслушала их разговор:

– Ты умываешься по утрам той водичкой, что я тебе привезла? – допытывалась свекровь однажды на семейном празднике у Антонины Леонтьевны, её голос звучал настойчиво и шёпотом.

– Да, мам, умываюсь, – покорно отвечал Кирилл.

– Смотри только, чтобы Настя не увидела. А если увидит – скажи, что это для здоровья, баба Нина передала.

– Хорошо, мам. Не переживай.

Настя проглотила горький ком обиды, а уже дома, оставшись с ним наедине, как ни в чём не бывало спросила:

– Кирилл, а что это за вода у тебя под ванной? В бутылке мутной.

Он, как прилежный сын, не моргнув глазом, повторил заученную легенду:

– Это для здоровья. Баба Нина передала.

Под холодным светом лампочки в ванной Настя нащупала пластиковую бутылку. Она стояла в тени, за трубами, словно притаившаяся гадюка. Вода внутри была мутной, с желтоватым осадком, и отпита ровно на четверть. Пальцы Насти сжали бутылку так, что пластик затрещал. Без тени сомнения она открутила крышку и вылила содержимое в унитаз. Мутная жидкость с тихим, зловещим плеском унеслась вниз, смывая за собой паутину чужих интриг и тёмных заговоров, оставив лишь горький осадок предательства и тяжёлое понимание, что война за её семью только началась.

Как-то раз после очередной перепалки, когда воздух в квартире ещё дрожал от криков, он в ярости кинулся швырять вещи в сумку. Настя поняла – время выходить из тени. Пора сорвать покровы с этой грязной игры.

– Кирилл, мне снова звонили, – начала она, опираясь о дверной косяк. Её голос звучал удивительно ровно, хотя внутри всё сжалось в тугую комок. – Опять женский голос. И снова звали тебя.

– Ну, с работы же, я тебе говорил, – он не поднял головы, яростно застёгивая молнию на сумке.

– Когда я спросила: «Диана, это ты?» – сразу бросили трубку, – она сделала шаг вперёд, её взгляд, казалось, прожигал его насквозь.

– Диана? – он на мгновение замер, затем фыркнул. – Аа! Ну, Диана с работы... – его голос прозвучал натянуто, слишком твёрдо, чтобы быть правдой.

– Ты долго ещё собираешься сбежать к маме и пропадать там неделями? – не выдержала она, и в её голосе прорвалось отчаяние, которое она так долго сдерживала.

– Не знаю. Пока не приду в себя, – он отвёл взгляд, уставившись в пол, не в силах выдержать её напор.

– А что тебя так вывело из себя? – спросила она, чувствуя, как тревога нарастает, подобно холодной приливной волне, готовой захлестнуть с головой.

– Настя, к чему этот допрос? – он резко обернулся к ней, и его глаза сверкнули. – Скажи честно, ты просто не хочешь, чтобы я уходил!

– Я не понимаю, – её голос дрогнул, но она собрала все остатки уверенности, – почему я вообще должна хотеть, чтобы ты уходил?

В воздухе повисла тяжёлая, гнетущая тишина, густая, как смола. Она видела, как его лицо дрогнуло, в глазах мелькнула растерянность, будто он и сам не понимал, что за сила управляет его поступками.

Кирилл резко вышел из квартиры, хлопнув дверью. Но через пятнадцать минут шаги вернулись. Он вошёл обратно, лицо его было странно спокойным.

– Я поставил машину на тёплую стоянку, – коротко бросил он, не глядя на неё. – Сейчас позвоню маме, чтобы она не ждала.

И он прошёл в комнату. В тот миг в Настином сердце шевельнулась робкая, почти неслышная надежда, что, возможно, самые страшные скандалы остались позади.

2002 год ворвался в их жизнь огнями гирлянд и запахом мандаринов, обещая праздник в кругу друзей. Но Кирилл, словно чёрная тень, омрачил всё предвкушение, наотрез отказавшись ехать в гости. С тяжёлым сердцем он отпустил её одну. И уже в час ночи телефон разрывался от его бешеных звонков. Он требовал, чтобы она немедленно возвращалась, не вникая никак в её мольбы и доводы друзей.

Поддавшись его напору, она вместе с Катей, Олегом, Викторией и Виталием вернулась домой. Несмотря на неприятный осадок, они постарались сохранить праздничное настроение, накрыли стол, надеясь спасти вечер, вернуть ему хоть каплю тепла и дружеской атмосферы.

Но Кирилл, словно демон, вырвавшийся на свободу, обрушил на них настоящий шквал ярости. Он вломился в комнату, его лицо было искажено злобой.

– Я устал! Я не желаю тут никого видеть! Всем немедленно убраться! – его крик раскатился по квартире, сметая всё на своём пути.

Друзья, неловко переглянувшись, поспешно стали собираться. Их праздничные наряды и смущённые лица выглядели жалко и неуместно на фоне его бешенства. Они ушли, бросив на прощание сочувствующие взгляды, оставив Настю наедине с разъярённым мужем в опустевшей, заполненной осколками праздника квартире.

«Что происходит, Кирилл?» – её шёпот едва слышно прозвучал в мёртвой тишине опустевшей квартиры. Ледяные пальцы страха сжимали её горло, сдавливали сердце. В ответ – лишь презрительное фырканье и его спина, отвернувшаяся к окну, в чёрное зеркало ночи. Она не понимала, какая тёмная сила стояла за этой внезапной, беспричинной агрессией.

С презрением, шипящим, как змея, в его голосе, он выдохнул, не оборачиваясь:

– У меня есть другая. Ты видела себя в зеркало? На кого ты похожа?

Слова ударили под дых, заставив её сделать судорожный вдох.

– Что со мной не так? – её голос дрогнул, стал тонким и незащищённым. – Я ведь старалась... накрутилась, укладку сделала, платье новое надела...

– Ты растолстела, – отрезал он холодно, наконец поворачиваясь к ней. Его глаза были пустыми, как у стеклянной куклы. – А она – красивая. Стройная. И молодая.

– Ты просто хочешь сделать мне больно? – она чувствовала, как по щекам уже текут предательские слёзы. – Я не верю. Это всё, чтобы спровоцировать скандал и сбежать?

В ответ Кирилл, словно фокусник, готовящий свой самый убийственный трюк, медленно извлёк из своей барсетки потрёпанный листок бумаги. Он протянул его ей, и его пальцы были твёрдыми и безжалостными.

Письмо. Пропитанное чужими духами, чужими словами. Каждая строчка – признание в страстной тоске, в томительном ожидании ночей, в мечтах о совместном будущем – вонзалась в сердце, как раскалённый нож, оставляя после себя дымящиеся раны.

Прочитав эти строки, Настя почувствовала, как пол уходит из-под ног. Боль, острая и всепоглощающая, сдавила душу, выжигая всё живое. Не помня себя, не видя ничего перед собой, она выбежала из дома, из этой клетки, и бросилась к Кате, в ту квартиру, чьи двери ещё не успели остыть от их недавнего прощания.

Увидев её на пороге – бледную, дрожащую, в смятом праздничном платье, с размазанной тушью, – Катя ахнула:

– Насть! Что случилось?

– Он... он нашёл другую! – выдохнула Настя, и её тело содрогнулось от новых, душющих рыданий.

Катерина потупила взгляд, её лицо исказилось от мучительной правды.

– Мы... мы с Олегом уже давно знали, – прошептала она. – Но молчали. Надеялись, что это... мимолётное увлечение. Что оно само рассосётся и не разрушит вашу семью.

Из глубины комнаты вышел Олег. Его лицо было серьёзным, полным искреннего сочувствия.

– Значит, он тебе всё рассказал? – тихо спросил он.

– Да! – её голос сорвался на крик. – Он показал мне её письмо! Значит, всё это время... Все эти звонки... Это была она. Она дёргала за ниточки, как кукловод, а я, марионетка, плясала под её дудку! Неужели это она натравила на меня этих ночных хулиганов, чтобы посеять ревность, взрастить скандал? Боже, как же больно...

Возвращаться в тот дом, где счастье померкло, превратившись в острые сталактиты соли, разъедающие свежую рану, не было сил. Но первого января, по негласной семейной традиции, все должны были собраться у бабушки Кирилла. Телефон Кати звонил не умолкая. Он искал её. Каждый звонок был похож на удар по открытой ране.

– Не говори ему, что я у вас, – умоляюще прошептала Настя, зажимая уши руками.

– А что я скажу? – растерянно спросила Катя.

– Скажи, что не видела меня после вашего ухода. Ничего не знаешь.

Но Кирилл, словно ищейка, уже напал на след. Вскоре в дверь квартиры раздались тяжёлые, уверенные удары. Он стоял на пороге, его фигура заслонила весь свет из коридора, а взгляд метнулся по комнате и остановился на ней, сидящей на краю дивана, съёжившейся, как птенец, выпавший из гнезда.

– Собирайся, нас ждут у бабули, – его голос прозвучал ровно, будто он предлагал просто вынести мусор, а не ехать на семейный обед после только что случившегося апокалипсиса.

– Как ты можешь так спокойно звать меня к бабуле, словно ничего не произошло? – её собственный голос дрожал, срываясь на высокой, истеричной ноте. Слёзы снова подступили к глазам, горячие и предательские.

– А что мне здесь скандалы устраивать? – он пожал плечами, и в этом жесте была ледяная, невыносимая отстранённость.

– Всё будто перевернулось с ног на голову! – выпалила она, и слова понеслись сами, подгоняемые болью и обидой. – Ты ведёшь себя так, будто это я тебя предала, а не ты мне вонзил нож в спину!

– Собирайся, я сказал! – его голос набрал металлической твёрдости, в нём не осталось и намёка на диалог.

В этот момент к Насте подошёл их четырёхлетний сын. Его маленькая, тёплая ладошка вложилась в её холодную руку.

– Мама, не плачь, – прошептал он своим ангельским, беззаботным голоском, в котором не было ничего, кроме любви и желания помочь. – Поехали!

Этот простой, детский призыв переломил что-то внутри. Она оделась, движимая каким-то автоматом, чувствуя, как горечь и смятение свинцовой тяжестью наполняют каждую клетку тела. Настя вышла на улицу, в мир, который внезапно стал чужим, безразличным и пугающим. Внутри бушевал ураган – страх, боль и горькая, окончательная уверенность, что ничего уже не будет как прежде.

День протекал как сквозь мутное, запотевшее стекло. Лица родственников, смех, разговоры – всё было размытым, неясным, как в дурном сне. Она старалась сдержать слёзы, которые подступали комом к горлу, и зажимала на лице неестественную, застывшую усмешку, будто это могло хоть что-то изменить.

Вечером, едва переступив порог дома, Кирилл, не снимая пальто, обрушил на неё новую бомбу:

– Всё, что я говорил... это неправда. Чушь. Просто хотел тебя поддеть и позлить. Расслабься.

Настя замерла, чувствуя, как почва уходит из-под ног уже в который раз за этот день.

– А письмо? – её голос прозвучал хрипло. – Ты и его сам себе накропал? Такой талант в себе обнаружил!

– Какое письмо? – он сделал удивлённое лицо, такое наигранное, что от него затошнило. – Привиделось тебе, Настя. Приснилось, наверное. С перепоею.

– Ты меня за безумную держишь? – она засмеялась, и этот смех прозвучал дико и ненормально. – Не до такой же степени я опьянела, чтобы галлюцинации ловить!

– Нет у меня никого! – он вдруг закричал, и в его крике слышалась уже не злоба, а какая-то отчаянная, животная паника. – Слышишь? Никого!

– А телефонные звонки? – она не отступала, чувствуя, как внутри всё замирает от ужаса перед его ложью. – И тот, с мальчишками... Не похоже, чтобы дети просто номером ошиблись. Это она старалась, подливала масла в огонь. Знала, как заставить тебя ревновать на ровном месте. Хотя должна признать, ты не поддался на её дешёвую провокацию. Сам догадался, что это её проделки, да?

– О ком ты, Настя? – он смотрел на неё пустыми глазами, в которых не было ни капли понимания.

– О Диане! С твоей работы!

– Да она замужем! – отмахнулся он, как от назойливой мухи.

– Видимо, для неё это не помеха, – ядовито бросила Настя.

– Настя, клянусь, никого у меня нет! – он схватил её за руки, и его пальцы были ледяными и влажными.

– Кирилл... – её голос сорвался на шёпот. – Я люблю тебя. Но сейчас, пожалуйста, не ври мне. Не надо.

В этот момент телефон зазвонил снова, разрывая напряжённую тишину. Настя уже знала, кто на другом конце провода. Она медленно поднесла трубку к уху.

– Да, слушаю.

– Кирилла можно? – знакомый женский голос, теперь уже без тени насмешки, прозвучал в трубке.

– Диана, знаешь, – голос Насти внезапно стал удивительно спокойным и ровным, – мы как раз сейчас сидим и говорим о тебе. Он тут с пеной у рта доказывает, что не собирается бросать семью, что ты для него – пустое место. Мимолётная глупость.

– Хм! – короткий, обрезанный звук в трубке, и затем – лишь монотонные гудки. Настя медленно опустила телефон, её пальцы похолодели. Она повернулась к мужу, и в её взгляде была не мольба, а последняя, отчаянная решимость.

– Я готова простить тебя, – прозвучало тихо, но чётко. Каждое слово давалось с огромным усилием, будто она поднимала неподъёмный груз. – Будет непросто. Адски непросто. Но я хочу... чтобы ты сказал ей. Сейчас. При мне. Скажи, что выбираешь семью.

– Хорошо, – он ответил почти сразу, без паузы, и его голос был плоским, лишённым каких-либо эмоций. – Я скажу. И я выбираю семью.

Но, произнеся эти слова, он даже не взглянул на неё по-настоящему. Не опустился на колени. Не попросил прощения. Боль от этого нового, очередного предательства терзала душу, как голодный хищник, впиваясь когтями в самое нутро. Ночи превратились в бесконечное, мучительное бдение, дни потеряли все краски и вкус.

А неделю спустя её увезла скорая. Острая, невыносимая боль скрутила всё тело в тугий узел. Обезболивающее лишь на время притупило мучения, а потом агония возвращалась с новой, удвоенной силой. Сутки ада. И вот – камень вышел, принесся долгожданное, физическое облегчение. Но выписывать её не спешили. Врачи ходили с недоуменными лицами, пожимали плечами: камни в почках – это, конечно, адски больно, но её состояние выходило за рамки обычной почечной колики. Обследование ничего не показало, и спустя неделю она вернулась в тот дом, который уже перестал быть домом.

Мысли вихрем кружились в голове, погружая в бездну отчаяния. «Он даже не попросил прощения.» – эта фраза билась в висках навязчивым, болезненным ритмом. Она не верила, что он порвал с ней. Не верила ни одному его слову.

В какой-то момент она не выдержала.

– Я немного поживу у сестры, – сказала Настя, глядя куда-то мимо него, в стену. – Мне слишком тяжело. Я должна прийти в себя, чтобы... чтобы разобраться во всём этом.

Внутри неё тлела слабая, глупая надежда. Желание, чтобы он остановил её. Чтобы схватил за руку, посмотрел в глаза и сказал... сказал хоть что-то настоящее. Всего одно предложение: «Прости меня, мне безумно жаль. Вы с Макаром – самое дорогое, что у меня есть, и я выбираю вас! Выбираю вас осознанно, навсегда!»

Но он молчал. Просто молчал. Она собрала самые необходимые вещи в сумку, словно собиралась не к сестре, а в бесконечно долгую командировку. Каждый день в разлуке она ждала. Ждала его звонка, его машины у подъезда, его голоса, который позовёт их обратно домой.

Но вместо этого он пришёл с холодным, леденящим душу известием:

– Диана переехала ко мне. Теперь мы живём вместе.

Мир рухнул окончательно. Последняя ниточка, связывающая её с прошлым, с тем счастливым прошлым, оборвалась с тихим, зловещим щелчком. Она больше не жена. Не любимая женщина. А всего лишь воспоминание, которое он с лёгкостью, одним махом, перечеркнул.

Недели бессонных ночей. Горький вкус кофе и едкий дым сигарет стали её единственными спутниками. За это время она стала стройной, даже слишком. Её тело, измождённое горем, перегнало по стройности саму Диану – четырнадцать килограммов за десять дней ушли, как и не было. Внутри всё выгорело дотла, осталась лишь пустота, зияющая, как чёрная, бездонная пропасть. Она смотрела на своё отражение в зеркале и не узнавала себя. Где та счастливая, полная жизни и надежд женщина, которая совсем недавно строила планы на будущее? Её больше не было. В зеркале смотрела на неё незнакомка с потухшими глазами и лицом, иссечённым страданием.

Глава 2

Первый месяц после развода, растянулся в липкую, беспросветную вечность. Дни и ночи слились в одно серое, тягучее месиво, где время текло не по часам, а по ударам сердца – неровным, глухим, отдававшимся в висках тяжёлой, ноющей пустотой. Настя существовала в странном подвешенном состоянии, между сном и явью. Каждое утро, в те доли секунды, когда сознание ещё не вполне возвращалось, она чувствовала тепло рядом, слышала ровное дыхание и уже тянулась рукой к привычному теплу под боком Кирилла... Но пальцы впивались в холодную простыню, и сознание, обрушиваясь с ледяной жестокостью, напоминало: ты одна. Это не сон. Это навсегда.

Ночь была худшей пыткой. Тьма за окном казалась живой и враждебной. Она вползала в комнату стаями чёрных, безмолвных птиц, и их крылья – безысходность, их клювы – острое воспоминание о его словах «я тебя не люблю» – терзали её изнутри. Ярость поднималась из самой глубины, обжигающим кислотным приливом. Она сжимала кулаки до хруста, до боли, чувствуя, как ногти впиваются во влажные ладони, оставляя красные полумесяцы. В особенно острые приступы безумия, сквозь мокрую от слез наволочку, она впивалась пальцами в шелковистую ткань подушки, представляя, что это – густые, ухоженные волосы Дианы. И сжимала, душила эту безмолвную подмену, выпуская наружу клокочущую, испепеляющую ненависть. А потом силы иссякали, и она просто лежала навзничь, вглядываясь в потолок, и беззвучно, отчаянно шептала в темноту одно-единственное желание: «Чтоб ты исчезла. Чтоб тебя не было».

Слухи об Александре, муже Дианы, донеслись до Насти как эхо из параллельной вселенной, где ровно такая же боль разорвала другую жизнь. Его голос в телефонной трубке был низким, приглушённым, будто доносящимся со дна глубокого колодца, когда она договаривалась с ним о встрече. Но в нём, сквозь эту глухоту, звенящей струной натянулась та же самая, до боли знакомая Насте горечь, смешанная с недоумением.

Они встретились этим же вечером. Настя от своей безысходности надеялась уговорить мужа Дианы вернуть свою жену и стояла в дверях его квартиры.

– Я её, можно сказать, вырастил, – произнёс он глядя на Настю, и слова прозвучали как заученная, горькая мантра, которую он повторял сам себе, пытаясь найти смысл. – Вложил в неё всё. Не понимаю, чего ей ещё не хватало, – он провёл рукой по щетине и продолжил.

– Машины, украшения, поездки... Всё, что хотела, – всё тут же получала. Работа? Пожа-луйста, хотя нужды... нужды в этом не было. Ни в чём её не ограничивал. Никогда.

Он замолчал, и в паузе слышалось его тяжёлое, мерное дыхание. Настя инстинктивно сделала шаг вперёд, словно боясь пропустить главное.

– Кроме одного... – его голос дрогнул, сдавленный какой-то внутренней борьбой. – Она слишком любила заглядывать в рюмку. Гулять до рассвета. Беззаботно веселиться, как в юности. Но мы справились, казалось бы. – В его голосе прорвалась короткая, слабая надежда, тут же погашенная. – Она закодировалась, и жизнь вроде бы наладилась. Пошла вверх. А теперь... вот.

Слово «вот» повисло в воздухе, тяжёлое и бесформенное, как комок грязи. Оно означало всё и ничего: пустоту в доме, где остались лишь игрушки шестилетнего Егора, оглушительную тишину вместо детского смеха и женских шагов, немой вопрос в зеркале: «Что не так? Что не так со мной?». Этот вопрос, Настя знала, теперь звенел и в её тишине, и в тишине этого незнакомого мужчины. Они стали звеньями одной цепи, скованными одним и тем же предательством.

Воздух в прихожей был густым и неподвижным, пахнувшим пылью с затёртых паркетных дорожек и чужим, незнакомым запахом жизни, которая здесь когда-то была. Настя стояла,

скрестив руки на груди, будто пытаюсь физически удержать за рёбрами то, что рвалось наружу острыми, горячими осколками. Её пальцы впились в ткань старого свитера, белея в суставах.

– Может быть... вы поговорите с ней? – голос сорвался с губ едва слышным, надтреснутым шёпотом. Это была не просьба, а последний, отчаянный выдох утопающего, который уже почти не видит соломинки, но всё ещё хватается за неё.

Он – Александр – смотрел куда-то мимо неё, в стену, где ещё виднелся бледный прямоугольник от снятой фотографии. Его лицо было маской усталой, почти бесплотной печали. Он медленно, тяжело покачал головой, и тень скользнула по его лицу.

– Нет. Она сделала свой выбор. – Он откашлянулся, звук был сухим и пустым. – Простите. Я ничем не могу помочь.

Настя вышла из подъезда раздавленная и беспомощная. Этот разговор оставил за собой звенящую пустоту, которую еженедельно заполнял теперь Кирилл. Его визиты были такими же размеренными и бездушными, как перевод денег. Он не заходил дальше порога, стоял в дверном проёме, пахнувший чужим парфюмом и морозным воздухом с улицы.

– Кирилл, как? – голос Насти звучал хрипло, она ловила его взгляд, пытаясь найти в нём хоть щель, хоть трещинку. – Мы же были счастливы. Я ушла к сестре не для того, чтобы... Это было время, чтобы прийти в себя, а не чтобы всё рухнуло!

Он отводил глаза, его пальцы нервно перебирали пачку купюр.

– Я так решил.

– А сын? – она делала шаг вперёд, и воздух, казалось, трещал от напряжения. – Неужели чужой ребёнок тебе дороже собственной крови?

– Я люблю Макара. Буду помогать. Но жить с тобой не могу.

Слова, которые она произносила дальше, вырывались наружу обжигающей лавой – годами поддержки, ночами у постели, долгами, которые она брала на себя, веря в него.

– Это благодарность? За всё? Где бы ты был сейчас без меня? Искал бы с братьями, где похмелиться? Она бы тогда на тебя посмотрела?

Его лицо каменело.

– Я благодарен. Но всего, что имею, добился сам.

– Одумайся... – её голос срывался на шёпот, становился липким и влажным от слез, которые она не выпускала. – Вернись. Мы всё забудем. Ради Макара... одумайся.

Но его ответ был всегда одним и тем же – гладким, отполированным, как речной камень, и таким же холодным. Он произносил его, глядя прямо на неё, и в его глазах не было ни злобы, ни сожаления – лишь пустота.

– Настя, я больше тебя не люблю. Я люблю Диану. Я даже не представлял, что можно так любить. Я счастлив. Ты понимаешь?

Эти слова не просто ранили. Они впивались в кожу, как занозы битого стекла, и с каждым ударом сердца входили всё глубже, разрывая плоть на части, пока внутри не оставалось одно сплошное, кровавое месиво.

А потом, в один из таких выжженных, колючих дней, когда даже свет из окна казался серым и враждебным, Кирилл появился с новостью. Он «снял для них квартиру». Чтобы Настя с Макаром «не стесняли сестру».

Они договорились встретиться в их бывшем доме. Теперь это было просто помещение с призраками. От былой жизни остались лишь обломки, разделённые пополам с математической, бездушной точностью: половина кухонного гарнитура, маленький телевизор, диван и детская кроватка, которые он великодушно оставил ей.

Настя копошилась в гряде прошлого, извлекая из коробок осколки памяти – его старую футболку, смешную открытку, – когда в тишине прозвучал стук. Неожиданный, твёрдый, чуждый в этой тишине. Как сама память, явившаяся без спроса.

На пороге стояла свекровь. Её пальцы сжимали ремешок сумки, взгляд скользнул по комнате, быстрый, оценивающий.

– Я помочь вещи собрать.

Настя медленно выпрямилась. В руке она сжимала найденную безделушку – брелок в виде смешного дракончика, которого они когда-то купили в цирке.

– Неужели думаете, я не справлюсь? – её голос прозвучал тихо, но в нём зазвенела сталь. Свекровь сделала шаг внутрь, её губы поджались.

– Да нет... Просто чтоб без сцен.

Настя разжала пальцы. Брелок с глухим стуком упал на пол.

– Ну что, довольны? – она не повышала голоса, но каждое слово было обледеневшим, острым, как скальпель. – Добились своего? Столько сил вложили, чтобы нас разлучить...

Женщина притворно удивлённо приподняла брови, но её глаза оставались холодными и непроницаемыми.

– О чём ты?

– Не стоит прикидываться. – Настя сделала шаг вперёд. Воздух между ними загустел. – Забыли водичку от бабы Нины? Думали, я не знаю?

Она видела, как напряглись мышцы на шее свекрови, как её взгляд на мгновение дрогнул и побежал в сторону.

– Ну и как!? – слово вырвалось хлётко, как удар. – Праздник удался? Правда, не совсем по вашему сценарию – к жене он так и не вернулся.

Она замолчала, давая этим словам повиснуть в воздухе тяжёлым, ядовитым облаком. А потом добавила уже почти тихо, с ледяной, беспощадной чёткостью:

– И напомню. Это не я разбила их семью. Они уже три года как были в разводе, когда мы начали встречаться.

Тишина повисла между ними, густая и тяжёлая, как влажная простыня. Свекровь стояла, опустив голову, и смотрела на свои руки, сцепленные в немом покаянии. Казалось, годы, прошедшие с той тёмной истории, стёрли её из памяти, сделали призрачной и нереальной. Но сейчас, под пристальным, обжигающим взглядом Насти, призрак обрёл плоть. Глубокая тень легла на её лицо, проступив изнутри – не мгновенная досада, а старая, выстрадавшая печаль, и в уголках губ затаилось что-то похожее на раскаяние. Кажется, память о содеянном наконец настигла её, тяжёлой, неуклюжей птицей сев на согнутые плечи.

Съёмная однокомнатная квартира, которую теперь уже бывший муж исправно оплачивал, пахла чужими обедами и затхлостью закрытых помещений. Она была клеткой, обитой руинами её прежней жизни. Настя чувствовала себя разбитой, распластанной на безжалостном бетоне после падения с головокружительной высоты, и каждый вдох давался с трудом, отдаваясь тупой болью в груди.

Лишь Макар, её сын, был тем живым, тёплым лучом, что пробивался сквозь эту крошечную тьму. В его больших, ясных глазах плескалось столько безграничной любви и доверчивой невинности, что её сердце сжималось. Она смотрела на него, на его мягкие, детские пальчики, сжимающие её палец, и давала себе тихую, железную клятву: оградить его от всех осколков их разбитой семьи. Он должен вырасти сильным. Он не должен знать боли безотцовщины и этого леденящего страха перед будущим.

Но боль не была призраком. Её нельзя было запереть в шкафу или вымести за порог. Она жила своей жизнью – просачивалась в ночную тишину горькими, солёными слезами, которые впитывались в подушку, оставляя на ткани тёмные, бесформенные пятна, словно чернила на промокашке. Чтобы не сорваться в это бездонное отчаяние, не натворить ошибок от безысходности, она решила бежать. Укрыться.словно раненая птица, она инстинктивно захотела спрятаться и решила отправиться к родственникам в Подмоскowie, в смутной надежде найти там тот покой, который ускользал от неё всю жизнь.

Март 2002 года. Вечерний вокзал дышал на них густыми парами креозота, машинного масла и тысяч чужих разлук. Настя крепко держала за руку Макара, и её сердце отчаянно стучало в унисон с тяжёлым, мерным перестуком колёс приближающегося поезда – этого стального ковчега, уносящего их от боли.

Рядом стоял Кирилл. Он не смотрел на неё, его взгляд был устремлён куда-то вдаль, за перрон, и в его глазах плескалась застывшая, бездонная скорбь. Казалось, он прощался не только с ней, но и с частью самого себя, с тем миром, что когда-то их соединял.

– Ты вернёшься? – Его голос прозвучал хрипло, сорвавшись с самого обрыва, с самой глубины.

Она сжала пальцы Макара так, что он тихо вскрикнул.

– Не знаю, Кирилл... – её шёпот едва пробивался сквозь грохот. – Надеюсь.

Внутри бушевал ураган, но она вдохнула полной грудью холодный вокзальный воздух, пытаясь вдохнуть в себя хоть крупицу уверенности.

Кирилл понуро опустил плечи, словно невидимая тяжесть всей их рухнувшей жизни вдруг всей массой обрушилась на него.

– Я тогда квартиру пока... придержу.

– Да, – кивнула она, глотая ком в горле. – Придержи. Я позвоню, если что-то... изменится.

Она не знала, произойдут ли эти изменения. Во что они вообще могут вылиться.

– Настя... – он запнулся, переступил с ноги на ногу. – Мама очень переживает. Хотела приехать, уговорить тебя остаться, но после вашего последнего разговора... не решилась.

В его голосе звучала беспомощность, растерянность человека, который оказался меж двух огней и не знает, как потушить ни один.

Воздух на перроне стал ещё холоднее. Слова Кирилла повисли между ними облаком пара.

– Передай ей, что я не в обиде, – выдохнула Настя, глядя куда-то мимо его плеча, на темнеющие рельсы.

Он молча кивнул, но не уходил. Переминался с ноги на ногу, словно что-то вынужденное и тяжёлое давило ему на плечи.

– Может, хоть позвонишь ей... с автомата? – в его интонации прорвалось что-то новое – не просьба, а скорее предостережение, глухое опасение перед бурей, которую он чувствовал, но не мог остановить.

Настя резко повернула к нему голову.

– Зачем?

– Ей... плохо, – он судорожно сглотнул, и этот жест – внезапный, беспомощный – пронзил её острее любого слова. В его глазах читалась растерянность мужчины, зажатого между двумя фронтами женской боли, которую он же и породил.

Что-то дрогнуло внутри. Какая-то последняя, истерзанная струна.

– Хорошо, – тихо согласилась она, ухватившись за эту мысль как за странную, болезненную обязанность, которая хоть как-то структурировала хаос внутри. – Я позвоню. Скажу только, что не злюсь.

Телефон-автомат был ледяным на ощупь. Набирая знакомый номер, она чувствовала, как подушечки пальцев немеют от холода и волнения. Трубку сняли почти сразу, и в ухе ударил надрывной, влажный от слёз голос, полный такого отчаяния, что Настя инстинктивно отстранилась.

– Настя, ну зачем же так... кардинально? Зачем сразу уезжать?

Она зажмурилась, вжимая лоб в холодное стекло кабины. Перед глазами плясали разноцветные круги.

– Лидия Васильевна, я боюсь... – её собственный голос прозвучал тонко и ненадёжно, как треснувший колокольчик. – Боюсь наломать дров, если останусь. Не могу передать, что

чувствую... и мне страшно от мыслей, которые лезут в голову. Нам нужно уехать. Надеюсь, это временно.

– Но как же ты так далеко? Как же мы тут без Макара?

Слова свекрови обрушились на неё тяжёлой, удушающей лавиной. Настя прижала ладонь к губам, чтобы сдержать рвущийся наружу стон. Глаза застилало влагой.

– Лидия Васильевна... – прошептала она, и голос почти сорвался. – Об этом нужно было думать раньше. Сейчас уже всё случилось, и, со слов Вашего сына, ничего нельзя исправить. Он любит другую.

В трубке продолжали звучать рыдания – бесконечные, истошные. А в её собственной груди, в ответ, поднимался глухой, немой вой, который не находил выхода, разрывая её изнутри.

Поезд тронулся с тихим стоном, увозя её прочь от вокзального ада. Смазанные огни фонарей, как золотые нити, пронзали темноту за окном, а в вагоне пахло старым деревом, кожей и чужими жизнями. Мысли, словно спутанные клубки, металась в голове, не находя выхода. Острая, жгучая тоска впивалась в самое сердце когтистой холодной птицей.

И тогда, когда за окном, в кромешной тьме, внезапно вспыхнуло и поплыло назад море огней огромного города, а диктор устало объявил: «Новосибирск...», её словно ударило током. Здесь. Здесь живёт отец Кирилла. Человек, которого когда-то оставила его мать. Отец, с которым у него не было ничего, кроме формального визита на восемнадцатилетие, короткого разговора в дверях дома, где уже жила другая семья.

И вдруг, словно вспышка в кромешной тьме, в мозгу возникло странное, навязчивое, почти безумное желание. Надо как-нибудь поехать к нему. Найти его. Показать ему внука, о существовании которого он, скорее всего, даже не подозревает. Познакомить их. Эта мысль, хрупкая и безумная, как росток сквозь асфальт, зародилась внутри и уже не отпускала, становясь единственной точкой света в кромешной тьме.

Спустя трое суток пути, наполненных стуком колёс, полубредом и тягучим ожиданием, поезд наконец-то прибыл на станцию небольшой деревеньки в Тверской области. Родные встретили их на маленьком провинциальном вокзале, и их объятия пахли домашним хлебом, морозом и безусловной любовью. Накрытый в уютной кухне стол ломился от угощений, смех и разговоры казались громкими после дней, проведённых в грохоте и молчании. Эти добрейшие люди, их простое, бесхитростное радушие, были словно спасительным оазисом, тёплым светом в окне после долгого блуждания в пустыне её горя.

Уют на кухне, пахнувшей пирогами и детством, был обманчивым. Запах свежесваренного чая и тёплые пледики на стульях не могли согреть ледяной осколок, вросший в сердце Насти. Её двоюродная сестра, Зоя, положила свою руку поверх её руки – тёплую, живущую, полную покоя.

– Настюш, что случилось? – её голос был тихим, без единой ноты любопытства, одно чистое, неподдельное участие. – Рассказывай.

И Настя рассказала. Слова выходили тяжёлыми, неровными, как камни, которые она таскала в себе все эти недели. Она не плакала. Слез, казалось, больше не осталось. Она просто выговаривала боль, глядя в стол, на трещинку в старой клеёнке, а в ответ видела лишь бездонное понимание во взгляде Зои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.